

ПОСЕВ

D 21651 E

POSSEV

April 1989

DM 7.— Rbl 3.—

ISSN 0032 5201

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Yearly subscription from Publishers - DM 72 (+ 10 DM mailing charges), from bookstores - DM 84, (+ 10 DM mailing charges). Air Mail surcharge for overseas countries.

Roubles (3,-) can be accepted everywhere from visitors from the USSR.

NK 26,-
SK 24,-
CHF 6,-
US\$ 4,-

Norway
Sweden
Switzerland
USA

£ 2.20
Hfl 8,-
US\$ 4,-
Lit 5200,-

Gr. Britain
Holland
Israel
Italy

DK 27,-
Fmk 16,-
FF 24,-
DM 7,-

Denmark
Finland
France
Germany

A\$ 5,-
S 50,-
BF 150,-
C\$ 5,-

Australia
Austria
Belgium
Canada

ПОЛНЫЙ СБОРНИКЪ Платформъ ВСѢХЪ Русскихъ Политическихъ Партій

съ приложеніемъ Высочайшаго Манифеста 17 октября 1905 г.
и, всеподданнѣйшаго доклада графа Витте

1. Соціалъ-Демократы
2. Соціалъ-Револүціонеры
3. Радикалы
4. Свободомыслѣціе.
5. Конституціоналисты-Демократы
6. Демократическій Союзъ Конституціоналистовъ
7. Умѣренно-Прогрессисты
8. Прогрессивно-Экономическая Партія
9. Народнохозяйственная Партія
10. Всероссійскій Торговопромышлен. Союзъ
11. Союзъ 17-го Октября
12. Правового Порядка
13. Монархисты-Конституц. (Царисты)
14. Русскій Народническій Всесловенный Союзъ
15. Отечественный Союзъ
16. Русское Собраніе

Цѣна 50 коп.

Изданіе второе
«ННШ»

Исправлены и дополнены по послѣднимъ резолюціямъ
партійныхъ съѣздовъ

1906

1906 — шестнадцать
партий
1989 — одна . . .

«Волнение, охватившее разнообразныя слои русского общества, не можетъ быть рассматриваемо, какъ следствие частичныхъ несовершенствъ государственнаго и социальнаго устройства, или только какъ результатъ организованныхъ действий крайнихъ партий. Корни этого волнения несомненно лежатъ глубже. Они — в нарушенномъ равновесіи между идейными стремленіями русского мыслящаго общества и внешними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правому на основѣ гражданской свободы.»

Всеподданнѣйшій доклад
статс-секретаря
графа Витте,
1905 г.

Апрель 1989 г.

П. В. ЖАДАН

Русская судьба

Павел Васильевич Жадан весной 1918 г. шестнадцатилетним гимназистом поступил добровольцем в Белую армию и провоевал до крымской эвакуации. В боях в Северной Таврии был награжден Георгиевским крестом; он — *последний* Георгиевский кавалер. Потом жил в Югославии, где вступил в НТС. Во время Второй мировой войны был одним из членов НТС, направившихся из эмиграции в Россию для создания «третьей силы» и независимого свободного русского государства.

Жадан вспоминает жизнь на хуторах Ставропольщины до революции, описывает события Гражданской войны, очевидцем которых он был, время немецкой оккупации в 1941-44 годах и жизнь русской эмиграции в Германии в послевоенные годы. Его книга — интересное и убедительное свидетельство рядового участника трагических событий русской истории и русского рассеяния XX века.

1989

240 с.

28 н. м.

СВОИМИ СИЛАМИ

Составитель Р. Н. Редлих

Составленная нами антология бесцензурной самодеятельной периодики призвана помочь читателю познакомиться с миром неформальных общественных объединений, число и активность которых в 1987-88 годах стали расти с ошеломляющей быстротой.

Вся эта новорожденная общественность движется, встречается, спорит, хлопочет, ставит перед собой разные цели и стремится к ним разными средствами: пишет стихи, романы и повести, составляет сообщения и декларации, выступает с докладами и речами, демонстрирует, митингует, распространяет всяческий самиздат, включая и периодические издания.

Имеющийся у нас материал позволяет, пусть неточно и неглубоко, но хотя бы в общих чертах отметить основные политические характеристики самодеятельной периодики и указать на тенденции общественной мысли, от развития которых, нам кажется, зависит будущее.

1989

120 с.

12 нм

Владимир СОЛОУХИН

Читая Ленина

Эта маленькая книжечка несет в себе по-настоящему эмоционально-взрывную силу. Она — о главной боли нашей страны и самого писателя — о войне, объявленной советской властью с первых же дней ее существования российскому мужику, в результате которой «...пятнадцать миллионов крестьян безвинных полегло».

В этой книге «объявление» войны произносится словами самого Ленина, точными цитатами из его собственных текстов. И никакие другие риторические или прекрасодушные выдержки из Ленина не в состоянии превратить черное дело в белое, ибо делалось все по тем разрушительным, приведенным Солоухиным. Плоды же этой горькой жатвы с крестьянства страна вкушает до сих пор и будет еще вкушать: «Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической революцией».

1989

48 с.

8 н. м.

С. Л. Франк

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА

Введение в социальную философию

В «Духовных основах общества» Франк, применяя онтологию всеединства к общественной жизни, подвергает критике разные стороны западного, безрелигиозного гуманизма и переходит к своей центральной идее — единству «я» и «ты» в общем «мы» и к связи этого соборного начала с началом «правды». Определив вытекающие отсюда начала служения, солидарности и свободы, он рассматривает конкретную проблематику права и обязанности, равенства и иерархичности, традиции и творческого новаторства, планомерности и спонтанности, государственной власти и гражданского общества.

1988

316 с.

30 н. м.

„П О С Е В” — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„П о с е в” участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „П о с е в” выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

„Г Р А Н И” — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, выходит в издательстве „П о с е в” с 1946 года. В „Г р а н я х” были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, А. Галича, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Цветаевой и других известных авторов.

Издательство „П о с е в” выпускает также книги российских и зарубежных авторов на русском языке: художественную и социально-политическую литературу, книги по истории, философии, религии, мемуары, свидетельства. Ежегодно выпускает художественный календарь. При издательстве „П о с е в” имеется отдел антикварных и редких книг. Каталоги издательства высылаются бесплатно.

Подписываясь на „П о с е в” и „Г р а н и”, а также покупая книги нашего издательства, вы будете не только в курсе политической и литературно-общественной жизни нашей страны, но и финансово поддержите издание и проникновение этих журналов и книг в Россию.

Условия подписки см. на последней странице.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВЕДЬ — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

XLV апрель 1989 № 4 (1383)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА НТС. Не перестраивать, а строить заново (2)

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. *Виктор Аксютин*. Вопросы без ответов (6). — *Трехцветные флаги в столицах* (7). — *Наблюдатель*. Митинг у Казанского собора (8). — *А. П. Морозов*. Площадь Маяковского (9). — *О. Данилов*. Что происходит в Ленинграде? (11). — *Сергей Сажин*. Обратимы ли перестройка и гласность? (13). — *Д. П.* "Демократическая оппозиция" (14)

ВЛАСТЬ. ОБЩЕСТВО. ОППОЗИЦИЯ. *Н. Рутыч*. Последний замысел Ленина (17). — *Фридрих Незнанский*. Теория и практика (21). — *Александр Югов*. Нужен ли Маркс перестройке? (30). — *В. Поремский*. Кто захватит "власть, валяющуюся на улице"? (39). — *Андрей Окулов*. Референдум и национальный вопрос (43)

ГОСУДАРСТВО. ЛИЧНОСТЬ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. *М. Калинин*. Библиотека лефортовского изолятора (47)

РЕЛИГИЯ. ЦЕРКОВЬ. *Прот. К. Фотиев*. Русская православная Церковь после юбилея (51). — От редакции (56)

КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА. НАУКА. *Н. Толстых*. "Пушкиноведы" (57)

КНИГИ. ЖУРНАЛЫ. *Вольфганг Казак*. Спасение России на путях нравственной и религиозной перестройки (60)

Не перестраивать, а строить заново

Материальное положение нашей страны продолжает ухудшаться. Производительность труда остается низкой. Переведенные на хозяйственный расчет предприятия - в тупике. Положение в сельском хозяйстве - катастрофическое. Зачатки кооперации, зажатые ограничениями, принесли мало пользы. Реализация даже не лишенных здравого смысла мероприятий упирается в монополию власти на планирование, распределение ресурсов и ценообразование. Не видно органического плана реформ. Да и может ли он быть, если все остается в рамках несостоятельной политической системы, от которой КПСС отказываться не намерена. Стране навязывают "социальное хозяйство" и "социализм" - ту же клетку, разве что больших размеров.

Методы планирования и те же. Путем партийного переворота Горбачев взял в свои руки власть и генсека, и главы государства - обычный для тоталитарного режима прием. Такова "демократизация", которую прокламировали на XIX партконференции. Изменения в конституции, новый избирательный закон и перераспределение власти между партаппаратом и советами не меняют сути системы: в советах будут те же партаппаратчики. Ни съезд "народных депутатов", ни новоизбранный Верховный Совет не будут представлять интересы народа. Руководство компартии обеспечивает себе подавляющее большинство мандатов. Несколько мандатов, врученных представителям общественности, - новое явление, но на управление страной не влияющее.

Реальные сдвиги есть во внешней политике. Для получения помощи от Запада и для преодоления технологического отставания страны власть пошла на сокращение вооруженных сил, уменьшение военных расходов, вывод войск из Афганистана. Это давно назревшие, но недостаточные шаги. Военные расходы сегодня все еще поглощают 25% валового национального продукта.

*

Благодаря быстро растущей активности общества, борьба за гражданские права охватывает все новые области социальной, экономической и политической жизни. Умножились и закрепились свободные издания, учащаются и усиливаются открытые выступления, возникли первые политические объединения, а движения за национальные права обрели в некоторых республиках массовый характер и достигли высокой степени организованности. Это привело к реализации ряда требований.

Главный двигатель этого процесса - свободные, независимые от власти общественные силы. Они организуются, выявляют свои политические стремления, свои идейные позиции. Их резервуар - конструктивно мыслящие люди из всех слоев общества.

Идет становление открытой политической оппозиции. Как всякое новое явление, она испытывает трудности: прерваны российские демократические земские традиции, отсутствует опыт политической деятельности. Задача оппозиции - углублять свои идейные основы, накапливать политические навыки, политическую культуру, внедрять нравственные начала в политические взаимоотношения.

Главный потребитель "гласности" - ведущая интеллигенция. Значительная ее часть готова поддерживать политику власти, отстаивая неоленинизм и Октябрь. Одни - из страха перед возвратом сталинизма. Другие - поверив в добрые намерения власти. Третьи - по привычке приспосабливаясь. Но долг интеллигенции перед народом - показывать, что Сталин осуществлял ленинские принципы, раскрывать антинародную сущность Октябрьского переворота, прервавшего демократическое развитие России. Часть ведущей интеллигенции этот долг выполняет. Ее задача - активно сотрудничать с

независимыми от власти общественными силами, поддерживать свободную печать, независимые объединения, в том числе и политические, протестовать против продолжающегося произвола, против преследований инакомыслящих.

В происходящем процессе ослабления власти выявляется еще одна сила, радикальная по настроениям и действиям. В большинстве это – м о л о д е ж ь, прежде всего рабочая. Отторгаемая советской системой воспитания от религиозных моральных принципов, она может превратиться в силу стихийную и разрушительную, если власть своими действиями будет углублять кризис в стране. Идеино и политически влиять на эту молодежь – задача свободной печати и независимых от власти организаций.

Н а р о д, у которого коммунистическая партия отняла право быть хозяином своей собственной земли, призывам этой партии не верит. Активное участие народа в возрождении нашей страны возможно лишь в условиях свободы общественной и политической жизни. *Радикальные, революционные преобразования не на словах, а на деле – единственная альтернатива политике коммунистической власти.* Основа этих преобразований – гражданские права и свободы, патриотизм и интересы Российского государства. Силы, действующие и формирующиеся в освобождающемся обществе, надо призывать к сплочению вокруг этой альтернативы, обогащая ее видением будущей России.

*

Необходимые реформы

Как альтернативу "предвыборным" обращениям компартии мы предлагаем на обсуждение следующую программу.

1. Правовой строй

Создание в нашей стране п р а в о г о с т р о я, превращение ее в правовое государство, в котором власть служит обществу, а не командует им. Необходимые условия для этого:

– Автономная от государства *общественная жизнь*. Общественные организа-

ции возникают по воле их создателей, а не по разрешению властей. Материальная база независимой общественной жизни – индивидуальное и коллективное право владеть собственностью и использовать ее по своему усмотрению. Полная свобода информации, обеспеченная законом.

– *Разделение властей*: независимость судебных органов от исполнительной власти, полный суверенитет власти законодательной; децентрализованное управление с автономией на всех уровнях; многопартийная система, отражающая разнообразие интересов и взглядов в обществе.

– *Надпартийная конституция*, устраняющая идеологическую и политическую обусловленность гражданских прав и свобод, ограничивающая полномочия государственной власти и защищающая граждан от произвола.

– *Интересы народа* в законодательных учреждениях, начиная с местных самоуправлений и кончая народным представительством, могут выражать только те, кто получил мандат путем свободных, равных, прямых и тайных выборов. Правом выдвижения кандидатов обладают трудовые коллективы, общественные объединения, политические партии и отдельные лица, заручившиеся поддержкой достаточного числа избирателей. Избирательная система должна контролироваться общественными комитетами.

– *Религиозная и всесторонняя культурная деятельность* граждан должна быть законом ограждена от государственного вмешательства и администрирования.

2. Экономическое оздоровление

Основой *экономики* страны должно быть свободное рыночное хозяйство. Его главный двигатель – договорные цены на товары, капитал, землю, труд, складывающиеся на рынке в условиях конкуренции и отсутствия монополии. В такой хозяйственной системе должны сосуществовать государственная, частная, кооперативная, муниципальная формы собственности. Государство может влиять на рынок только в общественных интересах и только косвенно, используя систему налогов и кредитов.

- *Предприятия* должны иметь возможность сами решать, что, как, где, когда и сколько производить, сами находить поставщиков и покупателей, сами решать вопросы о найме и увольнении рабочих, капиталовложении, организационных и технических усовершенствованиях. Ответственно вести хозяйство можно только добываясь прибыли в условиях конкуренции, ограниченной общими законами о защите потребителя и окружающей среды.

- Рыночные отношения в первую очередь необходимы в *сельском хозяйстве*. Полновластное владение землей и средствами производства, свободный выбор форм землепользования, хозяйственная инициатива, свободный труд обеспечат продовольствие в объеме, достаточном для удовлетворения нужд страны.

- Нужна отстройка *правовой и хозяйственной структур* рыночного хозяйства, включая систему банковских кредитов и страховых учреждений. Система государственного управления денежным обращением должна в условиях свободного рынка противодействовать инфляции.

3. Решить социальные вопросы

В стране необычно обострились *социальные вопросы* - положение семьи, народное образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, а также охрана природы и культурного наследия. Прежде всего необходимо:

- Ввести государственные пособия, которые позволили бы *матерям не нуждаться в зарботке* в течение определенного законом времени. Улучшить состояние яслей и детских садов и увеличить их количество за счет создания, кроме государственных, - кооперативных, частных, церковных и иных дошкольных учреждений. Способствовать постройке частных домов и квартир, оказывая в этом существенную государственную поддержку молодым семьям. Включить в борьбу против алкоголизма и наркомании религиозные и общественные организации.

- Изменить всю *систему образования*, очистив учебные программы от

обязательных идеологических доктрин. Обеспечить - до призыва в армию - двух-трехгодичный рабочий стаж получившим среднее профессиональное образование. Высшим учебным заведениям предоставить автономию и поощрять студенческое самоуправление.

- Обеспечить выплату *пенсий*, - *не ниже прожиточного минимума*, - независимо от трудового стажа, всем лицам, достигшим пенсионного возраста или потерявшим трудоспособность. Улучшить состояние старческих и инвалидных домов, создать, в зависимости от потребностей, сеть новых - государственных и независимых от государства.

- Увеличить число *больниц и поликлиник*, привлекая к разрешению этой задачи общественные, церковные и частные организации. Увеличить производство и импорт медикаментов и медицинского оборудования, сообразуясь с потребностями населения. Повысить оплату медицинского персонала, в особенности низшего.

- Провести *жесткие законы по охране природы*, преступно небрежное отношение к которой морально развращает людей и разрушает их здоровье. Обеспечить соблюдение этих законов взаимодействием государственного и общественного контроля.

Успехи в *социальной области* возможны лишь при следующих условиях:

- Создание, путем свободного рыночного хозяйства, прочной материальной базы, способной обеспечить финансирование необходимых программ.

- Развитие демократического представительства, без которого невозможно справедливое распределение этого финансирования.

- Участие в решении социальных и экологических вопросов не только государственных, но и общественных и частных организаций - трудовых союзов, профессиональных, церковных, национальных, культурных, благотворительных, молодежных и иных общественных объединений.

- Высвобождение средств за счет решительного сокращения восемнадцатимиллионного ведомственного аппарата, прекращения финансирования шестимиллионного идеологически-пропагандного

партийного аппарата и репрессивных служб, а также "соцстран" в Третьем мире. Сокращение непосильных и непомерных расходов на армию и вооружение.

Мы призываем общественные силы нашей страны активно включаться в идущие процессы, проявлять гражданскую инициативу, поддерживать политические течения, противостоящие диктатуре КПСС.

Мы призываем всех членов НТС, действующих как открыто, так и подпольно, ориентироваться на изложенную выше оценку положения, наращивать силы и влияние НТС, способствовать решению задач, стоящих перед освободительным движением.

Мы призываем нашу зарубежную организацию всемерно поддерживать действия Союза в России.

Февраль 1989 года

СОВЕТ
НАРОДНО-ТРУДОВОГО СОЮЗА
РОССИЙСКИХ СОЛИДАРИСТОВ

Съезд Совета НТС

С 30 января по 3 февраля 1989 года состоялся съезд Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

Была прослушана информация о деятельности Исполнительного бюро Совета и одобрены намеченные им мероприятия по работе с открытыми членами НТС в России, по соответствующей реорганизации печатных изданий Союза, по улучшению состояния зарубежной организации НТС.

В связи с истечением срока полномочий половины состава Совета, вынесено решение о проведении очередных выборов в Совет и определены кандидаты, рекомендуемые Советом.

Рассмотрен и утвержден представленный Финансово-экономическим сектором план финансовых обложений зарубежных групп Союза по рабочему бюджету, а также определены контрольные суммы по сборам в Кассу социальной помощи.

Совет работал над резолюцией о политической обстановке в стране (публикуется в этом номере журнала).

Фонд Свободной России

Адрес для переписки:

T. Slavinsky
Flurscheideweg 15
D-6230 Frankfurt a. M. 80

Банковский счет:

A/C 461 971, Rubr. Free Russia,
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel

Фонд Свободной России создан решением Совета НТС в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения. Собранные Фондом средства идут на поддержание связи между оппозиционными группами в стране и зарубежной общественностью, на вывоз рукописей из страны, на переправку в СССР изданной за рубежом литературы, на материальную помощь преследуемым.

Фонд Свободной России нуждается в Вашей поддержке!

НЕ УПУСКАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТИ

переправить „Посев“ в Советский Союз или передать гражданам СССР, находящимся на Западе. Для возмещения переданного экземпляра обращайтесь по адресу издательства „Посев“ к А. А. Кандаурову.

КОРМЕР Владимир

Наследство

1987, 386 с.

38 нм

Последний роман безвременно ушедшего московского писателя, лауреата литературной премии им. Вл. Дала (за роман „Крот истории“) — одно из значительных произведений современной русской литературы. Роман завоевал широкую популярность в Самиздате 70-х годов. Отдельные главы из него были опубликованы в журнале „Грани“ № 141 незадолго до кончины автора.

В романе развернута широкая панорама жизни московской интеллигенции 60-х—70-х годов во всех ее проявлениях — политическом, идейном, культурном, житейском и т. д. Интереснейшей особенностью романа является переплетение жизни и судеб современной России и эмиграции. Если учесть тот факт, что автор никогда не был за границей, его знание и глубокое понимание жизни русской эмиграции делают роман „Наследство“ поистине уникальным.

Вопросы без ответов

Виктор АКСЮЧИЦ

Что принципиально нового поведали советским гражданам советские средства массовой информации за годы перестройки? И что еще отгорожено барьером гласности?

Прежде всего надо сказать, что масса новой информации, хлынувшей на страницы газет и журналов, в принципе была известна большинству читателей по их собственному житейскому опыту. А вот до полноты этого опыта советской прессе еще очень далеко. Поэтому-то современная гласность больше оставляет вопросов, нежели дает ответов.

Так, например, нам, наконец, сообщено, что наша страна на протяжении 70 лет возглавлялась людьми, которые были либо уничтожены как "враги народа" (Каменев, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Берия...), либо были сняты с постов как несостоятельные руководители или признаны несостоятельными после смерти. (К этому разряду можно отнести Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Маленкова, Хрущева, теперь вот Брежнева - руководителя "застоя".) Только первому и последнему возглавителю этой великой державы в каждый данный момент воздаются почести как самому-самому...

Мне, как и всякому читателю, хотелось бы где-нибудь в советской прессе найти ответ на вопрос: может ли в принципе страна при таком подборе руководителей, которые неизменно вели "не туда" - "левый уклон", "правый уклон", "культ личности", "волюнтаризм", "застой", - может ли такая страна все-таки прийти, так сказать, "туда" - к "торжеству", "победе", "достижениям" и прочая, и прочая?

У каждого здравомыслящего человека возникает и такой вопрос: почему через пятьдесят лет после "полного построения социализма", через тридцать - после "полной и окончательной победы социализма", после эпохи "развитого со-

циализма" нам понадобилась "революционная перестройка"? Может быть, мы все это время строили не то и шли не туда? Тогда надо честно в этом признаться. Иначе мы такого наперестроим! Ибо, как известно, движение вслепую, тем более "ускоренное", грозит непредсказуемыми катастрофами.

Но наша гласность как по команде останавливается на пороге именно этих вопросов. Хотя та же гласность предоставляет много материалов для анализа всех "наших достижений".

Так, мы, наконец, читаем то, что до этого познали на своей шкуре. Что по уровню жизни, производительности труда, по здравоохранению мы на последнем месте в Европе (за нами только Албания). Зато по детской смертности и непродолжительности жизни - мы первые. Нигде в цивилизованном мире нет таких дорог, вернее, такого бездорожья, как у нас. По телефонной связи мы позади 70 стран. По потреблению бумаги мы на 42 месте в мире. Какая еще страна, обладая несметными богатствами, так хищнически их разбазарила? В какой стране экологические потери соизмеримы с нашими? Мы последние в делах милосердия: бескорыстной помощи слабым, отсталым, голодающим. Зато мы крупнейшие в мире торговцы оружием.

На "душу населения" у нас производится больше всего того, что этой душе нужно менее всего: стали, чугуна - для ракет, танков и... лома, хлопка - для пороха и азиатского самовластья, нефти и газа - для валютных прикрытий безумного хозяйствования. Зачем нам быть "первыми в мире" в космосе, если здесь, на земле, мы вот-вот окажемся без портков и без хлеба?!

В общем, все наши так называемые "достижения" заставляют нас скатываться в разряд слаборазвитых стран.

Узнаем мы из прессы о трагически безысходных наших потерях в области

культуры. Мы создали такую атмосферу в обществе, что чем больше художник или писатель вписывается в "шеренгу строителей нового общества", тем меньше в нем оказывается совести и таланта. Москва - на последнем месте среди европейских столиц по количеству театров, музеев, библиотек... В какой еще культурной стране трудно или невозможно приобрести классиков отечественной культуры? Где еще в культурном мире студент-гуманитарий слыхом не слыхивал имен гениальных отечественных философов и мыслителей?!

Читаем мы и о неизмеримых нравственных потерях нашего общества. Какая там сицилийская мафия, если в нашей супердержаве одним из главарей мафии оказался главный милиционер страны (Щелоков), а коррупция пронизала "высшие эшелоны власти"!

Открывается нам и то, что все эти "великие достижения" куплены беспрецедентной в мировой истории кровью. На всесоюзной конференции "Мемориала" из уст одного историка прозвучали следующие убийственные цифры: гражданская война - 15 миллионов жертв, раскулачивание - 2-я гражданская - унесла около 20 миллионов жизней, сталинский террор снес 25 миллионов голов, а Вторая мировая обошлась народу в 35 миллионов жизней.

Так ради каких достижений наш народ заставили принести *такие* жертвы?

Я бы очень хотел, чтобы заправились гласности ответили на такой вопрос: каких реальных благ - и духовных, и материальных - достиг наш народ *благодаря, а не вопреки* исповеданию "единственно истинного в мире учения", "самой передовой в мире идеологии" - коммунизма? И почему, собственно, догмы, напроць опровергнутые жизнью, должны быть вне критики? Да еще в "правовом" государстве, и тем более при гласности?

До тех пор, пока этот - главный - вопрос стыдливо замалчивается, для нас не кончилось семидесятилетие беспамятства. И может быть, всем нам - и внизу, и наверху - решиться, наконец, выйти из-под гипноза лжи, стряхнуть кошмарное наваждение и признать этот очевидный для здравого сознания факт: если через семьдесят лет верности зигзагам "генеральной линии" мы барахтаемся в болоте, то это говорит только о том, что "наши идеалы" оказались болотными огнями!

Настало время решать правоту таких вопросов не статьями уголовного кодекса. Я предлагаю это частное мнение по далеко не частному вопросу открыто обсудить в советских средствах массовой информации. Или слабо для гласности?

Москва, январь 1989 г.

Трехцветные флаги в столицах

В воскресенье, 12 марта 1989 года, в Москве и Петербурге (Ленинграде) состоялись многочисленные демонстрации, организованные Демократическим Союзом (ДС). Поводы для демонстраций были, как будто, разные: в Москве - годовщина Февральской революции, в Ленинграде - протест против недемократического характера выдвижения кандидатов на выборы 1989 года. Но по существу оба вопроса глубинно между собой связаны, и это нашло свое отражение в обращении московского ДС к предстоящей демонстрации.

Временное правительство, пишут сосставители обращения, "которое было

именно временным до созыва демократического органа - Учредительного собрания (его-то и разогнали большевики 5 января 1918 года). Выборы в Учредительное собрание проводились демократическим путем в отличие от наших выборов-89". Добавим от себя, что, разогнав Учредительное собрание, большевики (получившие на выборах лишь 24% голосов), не просто узурпировали власть, но и по сей день остаются властью, лишенной легализации и исторической преемственности!

Именно историческую преемственность ищут и свидетельствуют о ней те, кто сегодня проводит демонстрации под

трехцветным русским флагом. И вопрос тут не в том, как относиться к самой февральской революции, как оценивать действия Временного правительства – это были события, пусть даже и трагические, но органически связанные с российской историей, и о России болели все деятели этого периода, все – кроме большевиков и их приспешников. Восстановление исторической преемственности – путь трудный, подчас болезненный. От многих мифов надо отделяться, в частности, и от мифа, что Февральская революция, как пишет ДС, "дала народу Советы как органы общественной власти". Таким органом была Государственная Дума, дарованная еще Николаем II Манифестом 17 октября 1905 года (путь России от самодержавия к думской монархии прекрасно освещен в книге "Россия в эпоху реформ". Сборник статей. Составители В. Желягин и Н. Рутыч. Изд. "Посев", 1981). Советы же рабочих и солдатских депутатов (!) 1917 года лишь возомнили себя заменой этого законно

избранного народного представительства, что и привело страну к губительному двоевластию. А сами Советы стали инструментом большевистских узурпаторов. Ошибки наши появляются подчас по незнанию, и восстанавливать исторические корни надо, копаясь дальше и глубже, как это и сделал А. Солженицын, дав стране для размышления свое "Красное колесо". Для России и ее будущего.

И русский бело-сине-красный флаг, введенный Петром I, остается символом этих размышлений и поисков.

Напомним, что наш исторический флаг был поднят еще в прошлом году на демонстрации 7 октября в Ленинграде. Описывая это событие, член НТС Ростислав Евдокимов пишет: "впервые почти за семьдесят лет над нашей землей, над нашим городом реяли флаги национальных российских цветов" ("Посев", № 10, 1988).

Ниже мы публикуем заметки наблюдателей, присутствовавших на демонстрациях 12 марта.

Митинг у Казанского собора

Если московский Демократический Союз организовал демонстрацию по поводу годовщины Февральской революции, то митинг в Ленинграде, устроенный в тот же день у Казанского собора, имел другую направленность. Организаторы посвятили его борьбе за право выдвижения своих депутатов на предстоящих выборах, а также протестовали против выдвижения кандидатуры нелюбимого всеми в городе партийного мэра Ленинграда Соловьева.

За десять дней до демонстрации были поданы заявки: сначала – в райисполкомы Дзержинского и Куйбышевского районов. На обе заявки были получены отказы, после чего была подана заявка в горисполком – тоже отказ.

Тогда Северо-Западное отделение Демократического Союза решило провести митинг у Казанского собора. Формально другие группы не присоединились, но к демонстрации примкнули многие неформалы (в частности – группа "Выбо-

ры-89"), т. к. Соловьева ненавидят почти все.

Числа десятого марта стало известно, что городские власти, учитывая, что люди все равно соберутся на митинг, приняли решение провести альтернативный, разрешенный митинг на стадионе "Локомотив". Он был также назначен на 12 марта, на 12 часов дня.

Сначала организаторы поняли это как разрешение митинга, но в другом месте. Но в последний момент выяснилось, что митинг будет исполкомовский и делать там нечего, потому что вряд ли неформалам предоставят слово. Тогда вернулись к первоначальному решению – провести митинг у Казанского собора.

В субботу, 11 марта, в нескольких точках города были поставлены пикеты с целью созыва людей на воскресную демонстрацию.

Из пикетчиков было задержано шесть человек: Иван Попадиченко, Игорь Федоров, Ольга Липовская, Денисов и Со-

колов. Был также задержан Корыткин, но ему удалось бежать, когда его доставляли в отделение. Федорову было определено десять суток ареста.

В воскресенье народ стал собираться еще до начала митинга, который был назначен на двенадцать часов. Милиции согнали больше тысячи человек, им помогали дружинники и курсанты военных училищ (в частности - военно-воздушного).

Напротив Казанского собора, на четвертом этаже Дома книги, располагался штаб Ленинградского УВД с генералом Курковым во главе. Ходят слухи, что там же сидел сам Соловьев и из окна наблюдал за происходящим.

К двенадцати часам на площади собралось три-четыре тысячи человек. На памятник Кутузову у Казанского собора забралось двое - Леонид Гусев и Андрей Мазурмович, они развернули два лозунга: "Членов партии в стране - 19 миллионов, а среди кандидатов - 85%" и "Президента и парламент - прямыми выборами!". Был поднят российский бело-сине-красный флаг (примерно на уровне головы памятника), провисевший с полчаса.

В 12.25 была двинута группа захвата в штатском, которая пыталась забраться на постамент и сбросить Гусева и Мазурмовича. Постамент был высокий, и им пришлось слезть самим. Лозунги у них отобрали, флаг они успели бросить в толпу, но его схватили милиционеры.

С начала митинга до массового разгона прошло полчаса. После того, как милиция ушла с площади, стихийное митингование продолжалось до четырех часов. На демонстрации присутствовали представители ЛенТАСС и ленинградского телевидения, велась съемка.

Уже после митинга у двадцать седьмого отделения милиции в переулке Крылова, куда свезли задержанных, собралась часть толпы. На собравшихся спустились собак - одна женщина после этого попала в больницу.

Гусева и Мазурмовича уже на следующий день допрашивали, предъявив обвинение по статье 206² (хулиганство) - это грозит им заключением до пяти лет.

Ленинград, 13.3.89

Наблюдатель

Площадь Маяковского

По прибытии на площадь Маяковского в 14.50 я ужаснулся количеству милицеских машин, тюремных автобусов, гебистских "волг" с рациями, обилию офицеров и "спецназовцев" милиции. В проулке за кинотеатром "Москва" стоял автобус, набитый солдатами внутренних войск с автоматами. Сама площадь была огорожена металлическими щитами, канатами и милицеским кордоном. Власти встречали годовщину Февраля во всеоружии.

В три часа собралось около двух тысяч человек, но народ продолжал прибывать, и к концу митинга собралось около пяти тысяч. Милиционеры все были - кадровые офицеры, все выше лейтенанта, рядовых не было. Они стали через мегафоны призывать "разойтись по хорошему", не то будут приняты меры. Народ не слушался.

Никаких депутатов никто не ждал и не желал. Статья в газетенке "Московская правда", подписанная Ю. Шабановым, под заголовком "Под знаменем самодержавия" попросту лжет, как и любая коммунистическая "правда", - никаких партийных работников на площади не было и никакие "беседы" они не проводили. Если бы они были, их бы с почетом пропустили к памятнику Маяковскому, а поскольку милиции было доподлинно известно, что кроме ДС и ему сочувствующих никого нет, то избивать начали всех подряд.

Украинцы сейчас возрождают свой желто-голубой национальный флаг (времен Богдана Хмельницкого), литовцы водрузили над Вильнюсом свой желто-зелено-красный, грузины - свой, а русские?! А русский национальный, дорогой каждому русскому сердцу флаг

в статье Шабанова вдруг стал "реакционным, контрреволюционным, самодержавным, черносотенным" и т. д. Не буду спорить о национальной принадлежности коммуниста-интернационалиста Шабанова, но ему и его краснобилетникам на русский народ и Россию всегда было, по выражению их вождя Ульянова, "наплевать".

Итак, в 15.15 со стороны метро "Маяковская" над толпой поднялся русский национальный флаг – бело-сине-красный. Держался он минут десять – дольше всех остальных, другие флаги (было всего пять попыток) рвались милицией на месте. К примеру, на правом фланге я, Андрей Грязнов и еще одна группа дэс-овцев развернули два флага, один удалось донести почти до метро, другой выхватили и разорвали в клочья.

Били в лицо, по голове, сапогами в живот, но Ю. Шабанову этого мало – он призывает к "жестким мерам" и "срокам"...

Андрею Грязнову удалось произнести речь, потому что мы окружили его плотным кольцом, взявшись за руки. Он говорил о свободах, дарованных февральской революцией, о контрреволюционном перевороте Ленина и о терроре под красным флагом. Грязнов развернул плакаты: "КПСС – враг народа!" и "Долой коммунистическую бюрократию!". Плакаты порвал агент ГБ, прорвавшийся к Грязнову. Его тут же схватили за шиворот человек пять из толпы и ему бы не поздоровилось, если бы не подоспели каратели-"афганцы". Грязнов был жестоко избит и волоком утащен в тюремный автобус, но флаг он передал другим – его держали пять человек из сочувствующих, крепко вцепившихся в древко. Тогда каратели стали рвать ткань...

Чуть поодаль от площади развернули другой русский флаг, он продержался минуты три, потом державшего избили и тоже утащили в автобус. Ослепленные злобой "спецназовцы" разорвали даже плакат "Голосуйте за Ельцина!". Возле метро, примерно в 16.30, был поднят пятый, последний русский флаг, его древко держало человек восемь, уже не дэс-овцев, которых развезли по отделениям милиции, а сочувствующих. К флагу стали подбираться "спецназовцы", они

схватили державших, но те сумели передать флаг другим. Кто-то крикнул: "Бегите к метро, спасайте русский священный флаг!". Флаг схватили – я и неизвестный мне мужчина. Мы бросились к метро, два "спецназовца" догнали нас, один ударил бежавшего со мной мужчину ногой в пах, тот скорчился от боли. От ударов подоспевших "спецназовцев" я упал на заградительные щиты. Я наступил державшему меня на руку, он разжал пальцы и я скрылся в толпе возле метро.

Потом я вернулся на площадь и подошел к тюремному автобусу, который набивали последними арестантами. Я кричал: "Душител! Вешател! Палачи!", "Бериевские выродки!". Но они были так заняты "упаковкой" арестованных, что поленились выполнить свой коммунистический долг и не погнались за мной.

Когда последний автобус с арестованными отъехал, милиция стала кричать в мегафон: "Разойдитесь!" и стала теснить народ на проезжую часть и к кинотеатру "Москва". Я тоже был там, и мы, человек триста, стали хором скандировать: "Палачи! Душител! Долой самодержавие!". Так продолжалось полчаса, к нам подогнали красную пожарную машину – хотели полить нас ледяной водой, но потом раздумали.

Площадь Маяковского бурлила до шести вечера.

Этот митинг показал, что народ – не с большевиками. Будь в стране хоть мизер демократических свобод, если бы мы могли заранее оповестить о митинге, если бы не было штрафов, милицейских вонючих подвалов и увольнений с работы, то на митинг солидарности пришли бы тысячи.

Поэтому вопрос с Запада: "А сколько было на митинге человек?" звучит в условиях тоталитарной диктатуры просто глупо – в таких условиях на митинги ходят только герои, а они не составляют внушительного количества. Несмотря на это митинг был достаточно многолюдным – об этом не мог соврать даже коммунистический холуй журналист Ю. Шабанов. Его слова: "Надо сказать, что народу на площади было достаточно".

г. Новосибирск, 14.3.89

А. П. Морозов

Что происходит в Ленинграде?

О. ДАНИЛОВ

Многие приезжие, побывав на одном из мероприятий, проводимых ленинградскими неформалами, сокрушенно качают головами: "Вам тут хорошо, демократия, а вот у нас..." и, огорченно взмахнув рукой, удивляются. Однако, услышав о закулисных событиях, предшествующих всем этим митингам, собраниям и пр., быстро светлеют и с удивлением восклицают: "Подвижники! И как вам это не надоело?" Попытается и автор приоткрыть завесу тайны над всем, что сопутствует всяким мероприятиям, и рассказать обо всех предшествующих событиях.

Все начинается с подачи заявки. В Ленинграде пресловутые "Временные правила...", позднее трансформировавшиеся в Указ № 504 от 28 июля 1988 г. "О порядке проведения митингов...", были приняты раньше, чем во всех остальных городах, и поэтому их жестокость повлияла на дальнейший ход событий. Именно этим можно объяснить, что в Указе был принят именно десятидневный срок представления заявки (в отличие от более "мелкого" московского срока - 7 дней). Итак, заявку необходимо подать за 10 дней до предполагаемого мероприятия, после чего она рассматривается (чаще всего запрещается, а если и разрешается, то с переменой места - видимо, рассчитывают, что всех желающих не успеют переориентировать). Мотивы запрещения самые разнообразные: от возможных помех транспорту до "нецелесообразности" проведения именно этого мероприятия. Подавляющее число заявок не удовлетворяется. Исключение составляют лишь ежесубботные митинги в Михайловском саду. Очевидно, руководители города понимают, что, закрыв последнюю отдушину для выпуска пара, они рискуют вызвать взрыв, который может повлечь за собой массу нежелательных для властей последствий. Но вот заявка подана, и что же дальше? Является ли разрешение на мероприятие гарантией того, что все пройдет спокойно? Отнюдь. Но впрочем, попытаюсь

обрисовать обстановку одного из таких мероприятий - митинга 7 октября 1988 года на стадионе "Локомотив"*.

Три тысячи зрителей (по оценке "Экспресс-Хроники"), полтора-два десятка выступающих, куда ни глянь - серые фуражки. Но не вмешиваются, слушают. То тут, то там мелькают представители ленинградской прессы (позже в местной "Вечерке" мероприятие подверглось резкой критике, доходящей до крика, перехода на личности и чуть ли не до призыва посадить всех выступавших, слушателей, а заодно и тех, кто это разрешил). Правда, их статус не вполне понятен. Телевизионщикам категорически запретили снимать, зарубежных съемочных групп не было, однако работало 4 видеокамеры. Вот промелькнул корреспондент "Смены", на ходу перебросился несколькими словами с проходящим офицером милиции и пошел дальше. Прибывшая, несмотря на запрет, группа телевидения первым делом тоже беседует с милицией. Видимо, для них это больший авторитет, нежели организаторы. Кстати, это был, по-видимому, первый случай, когда в качестве организаторов совместно выступили 13 неформальных групп. Это и сыграло свою роль в том, что митинг вообще разрешили. Но продолжу.

Всех зрителей можно разделить на несколько категорий.

Первая: собственно неформалы. Они пришли не слушать - они пришли сюда пообщаться, побеседовать с людьми, услышать новости. Они не слушают выступления и ходят из конца в конец стадиона в поисках знакомых и незнакомых лиц.

Вторая: зеваки. Эти попали сюда случайно. Их относительно немного. и они представляют из себя сырье - с течением времени они переходят в другую категорию.

* Описание митинга было в статье Р. Евдокимова-Вогак "Российские флаги над Питером", "Посев", 10, 1988.

Третья: завсегдатаи. Присутствуют на всех мероприятиях, ведут себя шумно, свистят, улюлюкают, смеются. Они наиболее значительная и наиболее бестолковая часть зрителей. Пользы от них никакой – все равно они переходить из своей категории в другие не собираются.

Четвертая: люди в штатском и форме, тайные, советские функционеры, переодетые и непереодетые сотрудники милиции и КГБ. Спокойно наблюдают за происходящим, не кричат, не свистят (в данном случае). Некоторые пытаются иногда выступить, однако, после смешков, свиста и гула негодования, который устраивают зеваки, тушуются, повышают голос, переходят на личности и гордо удаляются с сознанием собственного превосходства.

На описываемом автором митинге – категории все те же, поэтому ничего особенного не происходит. Наиболее интересные события разворачиваются за кулисами. Тема самая животрепещущая: Карабах. Вот несколько курсантов военного училища обступили Терушкина и с интересом слушают его, переспрашивают, уточняют. А вот другая группа обступила Григорьянца. Вопрос тот же, но вот ответы, по-видимому, не удовлетворяют большинство слушателей. Чувствуется, что у него по данному вопросу не сложилось окончательного мнения. Нет в его ответах убежденности, что ли. Рядом проходит сбор подписей под разумными документами. От желающих отбоя нет. Вообще замечается возрастание интереса к неформалам с различных сторон. Даже милиция иногда симпатизирует. Но обратных случаев больше. После недавнего задержания членов группы "Эра" во время сбора подписей и последовавшего за этим наказания (от штрафа до "суток") даже телевидение поразилось. Корреспондент попытался выяснить у сотрудника отделения милиции, куда были доставлены задержанные: неужели он не видит разницы между демонстрацией (именно это слово было употреблено в обвинительном заключении) и сбором подписей? Тот ответил, что не думал об этом. А на вопрос о том, будут ли

впредь сотрудники милиции поступать аналогично, ответил коротко: "Да".

Но вернемся к нашим баранам. Вот митинг подходит к концу, вернее к тому сроку, который указан в разрешении. Осторожно! За превышение отпущенного времени хоть на минуту кара последует незамедлительно! Так происходит и на этот раз. Первому же попытавшемуся выступить это даром не проходит. Он задержан. Штраф или "сутки" не заставят себя долго ждать. Второй из выступавших позже указанного часа – Александр Богданов – отделяется легким испугом. Он просидел уже 75 суток (5х15) и сажать его, кажется, не хотят. Сколько же можно кормить за казенный счет? (Оказывается, можно. Пока писалась эта статья, он сел еще раз и опять на 15 суток.)

Предвижу реакцию читателя: "А выводы где?" Успокойтесь. Вот и до них добрались. Сложившаяся практика показывает, что в сегодняшней ситуации попытки отдельных групп провести какие бы то ни было мероприятия обречены на провал. Успеха можно добиться только объединившись, либо организовав массовый поток заявок.

В сложившихся условиях мероприятия сами по себе не имеют влияния на население. Влияет собственно факт проведения мероприятий, а также реакция прессы (особенно негативная). При предполагаемом ужесточении курса правительства важным для неформалов будет то, насколько они успеют закалиться в борьбе с местными "князьями". Активность в проведении митингов, шествий, демонстраций должна сыграть свою роль. Обратной дороги уже не будет.

AUFRUF

Wer war in der Zeit von 1941-bis 1945 im Kriegsgefangenen-Lazarett Klein-Zimmern (Reserve-Lazarett Dieburg) oder kennt jemanden der dort war.

Nachricht bitte an:

Heinz-Adolf Renkel
Am Biet 5

tel. 06162-1662
6107 Renheim/Odw.

Обратимы ли перестройка и гласность?

В английской газете "Daily Telegraph" от 6 января 1989 года была опубликована статья под заглавием "Для нас, русских, нет пути назад". Статья была основана на интервью с советским журналистом Аркадием Ваксбергом, который утверждал, что все темные страницы советской истории относятся к прошлому, которое больше никогда не повторится. Примерно в то же время в газете "Ленинградская правда" были опубликованы статьи совершенно другого толка. В одной из них (от 28 декабря 1988 года) было сообщение об обысках в пяти ленинградских квартирах и изъятиях так называемой антисоветской литературы. Совсем как в брежневские времена. В другой статье, опубликованной несколько ранее (15 октября 1988 года), высказана идея о том, что диссидентов нужно судить не за антисоветскую пропаганду (статья 70 УК РСФСР), а за заговор с целью захвата власти (статья 64 УК РСФСР). А это напоминает уже сталинские времена.

Подобная двойная пропаганда: на экспорт и для "домашнего употребления" — безусловно, делает свое дело. Запад полон эйфории по поводу советских перемен, в то время как письма из СССР в большинстве своем наполнены самыми мрачными ожиданиями. Многие в СССР признают наличие перемен, но почти никто не верит в их необратимость. Мой взгляд на этот вопрос близок ко взгляду моих друзей в СССР и, в первую очередь, членов ленинградской группы Международного общества прав человека.

Мне представляется, что перспективы перестройки станут более ясными, если мы обратимся к истории. Говоря об экономических реформах, вспомним ленинскую новую экономическую политику (нэп). В то время экономические реформы были гораздо более радикальными, чем те, которые мы наблюдаем сейчас. Тогда, в 1922 году, мало кто мог предвидеть, что эти реформы вскоре окончатся ужасами коллективизации. Рассматривая либерализацию религиозной жизни,

вспомним разворот отношения Сталина к Православной Церкви во время войны с Гитлером. До войны вся внутренняя политика страны была направлена на уничтожение христианства и Церкви в соответствии с ленинскими директивами. Во время же войны, когда Сталин был поставлен в критическую ситуацию, он не смог найти иной поддержки, кроме Православной Церкви и связанной с нею традиции патриотизма. Однако хорошо известно, что сталинская либерализация была лишь тактическим шагом, направленным на использование Церкви в практических целях. Борьба с христианством изменила свою форму, но не суть. Открытые Церкви не мешали Сталину вести борьбу с "поповствующими физиками" и "дипломированными лакеями поповщины".

Много говорится об освобождении Горбачевым политзаключенных. Однако здесь напрашивается параллель с хрущевским освобождением узников сталинских концлагерей. Причем эта параллель не в пользу Горбачева. Хрущев не только освободил политзаключенных, но и реабилитировал их, чего Горбачев не сделал до сих пор. Хрущевская оттепель окончилась психушками и брежневскими лагерями, которые по своей жестокости часто не уступали сталинским.

Говоря об относительной свободе выезда из СССР (как временно, так и навсегда), стоит вспомнить, что в суровый 1979 год брежневского застоя более 50 тысяч лиц получили разрешение на выезд. Известно, что уже спустя несколько лет выезды практически прекратились. Сейчас разрешение на выезд получить несколько легче, чем раньше. Но кто помешает советским органам вновь закрыть границы и вернуться к брежневским или даже сталинским временам?

Резюмируя этот краткий экскурс в историю, можно сделать следующие выводы:

а) теперешняя либерализация, известная как "перестройка и гласность", отнюдь не является уникальным событием советской истории. Подобные либерали-

зации имели место и в прошлом, кончаясь очередным периодом застоя и "закручивания гаек";

б) экстраполируя историю в будущее, у нас нет оснований считать, что настоящая "перестройка и гласность" приведет к истинным и положительным переменам в СССР.

Хотя наш разум и не делает положительных выводов, наша вера и надежда не могут перестать искать дорогу к будущей свободной России. Пророк Исайя (гл. 23, 15-18) говорит нам о том, что Господь забывает народы по их грехам на 70 лет, по истечении которых Он вновь посещает их. В 1987 году минуло 70 лет со времени переворота 1917 года... Но сумеет ли Россия встретить Господа истинным покаянием, либо она вновь повторит свои исторические грехи, уклоняясь от того "царского" пути, который указал ей святой Сергей Радонежский?

В образе святого Сергия мы находим "синтез противоположных тенденций русской духовности", по выражению

Н. Зернова. Известный своим миротворчеством, миролюбием, неприменением силы для защиты своих интересов, он, тем не менее, благословил князя Дмитрия Донского на кровопролитную Куликовскую битву. Его путь был свободен от развившихся позже крайностей "стяжателей" и "нестяжателей", которые пришли в острый конфликт в начале XVI века. С духовной точки зрения именно этот конфликт и заложил основы болезни, приведшей к перевороту 1917 года.

Путь преодоления этого духовного недуга и возвращение на "царский" путь святого Сергия лежит, на мой взгляд, через умение совмещать глубокую веру и самое активное участие в устройстве земной жизни. При этом неважно, верим мы или нет в необратимость "перестройки и гласности". Господь с нас спросит не за то, что мы сделали, а за то, сколько усилий мы приложили для исполнения Его воли, постоянно уповая при этом на Его поддержку.

Сергей С а ж и н

"Демократическая оппозиция"

Впервые об этом журнале мы писали в девятом номере "Посева" за 1988 год. Интересно наблюдать за эволюцией самиздатских журналов. Иногда из одного-двух листков на своем первом этапе они со временем приобретают все более значимый вид, толстеют, обрастают обложками.

"Демократическая оппозиция" - печатный орган политической партии "Демократический Союз" (ДС), а точнее, ее "северо-западного регионального отделения". Первый номер журнала, вышедший в июне 1988 г., напечатан на 43-х страницах. Он знакомит читателя с программой и целями ДС, основанного, как сказано в журнале, "7-9 мая в Москве на учредительном съезде". Так, в номере говорится:

"ДС ставит перед собой задачи мирного преобразования общества и создания справедливых общественных отношений в условиях многопартийной общественно-

политической жизни и многоукладной экономики".

После редакционной сноски опубликована хроника событий за текущую неделю в Москве, Ленинграде и других центрах общественной и политической жизни.

Затем начинается публицистика. "Узаконенная мораль и бесправная нравственность" - названа статья Юрия Булычева в первом номере "Демократической оппозиции". Автор считает, что возможность положительных социально-экономических перемен определяется тем, насколько быстро и полно граждане нашей страны сумеют отказаться от косных шаблонов мышления, приспособленческих жизненных установок. Он критикует советскую систему за безнравственность, навязывание с детских лет психологии стукачества. В пример приводится воспитание пионеров по образцу Павлика Морозова, донесшего на собственного

отца. Самиздатский журнал цитирует высказывание одного из персонажей советского фильма "Гараж" (режиссер Эльдар Рязанов): "Вовремя предать - это не предать, а предвидеть". Основной путь к разрешению проблемы Булычев видит в пробуждении у советских людей любви к добру и правде.

Третий выпуск совпадает по времени с XIX партконференцией, в связи с чем он открывается обращением ДС. В нем выдвинут ряд требований, в частности, об изменении советского законодательства, освобождении политзаключенных и др. Там также указано, что

"никакое решение и никакая резолюция правящей партии не принесут стране пользы, пока не наступит подлинное народовластие, пока народ не получит право свободного выбора между различными программами развития общественных отношений".

Вслед за обращением можно прочесть статью А. Лопухина. Ее основной смысл будет понятен, если привести очень яркую цитату, которой заканчивается статья:

"Когда падет власть партийной олигархии, возглавляющей КПСС, - народ будет радоваться и ликовать и мы будем ликовать вместе!!".

Комментарием к партконференции КПСС начинается четвертый номер журнала. "Шаг куда?" - такой вопрос задает автор партийным бюрократам. И действительно, в какую сторону шагнула советская система вместе с XIX конференцией КПСС? К сталинизму, совместив должности генерального секретаря и председателя ПВС СССР? Журналист приходит к выводу, что на партконференции не были затронуты жизненно важные вопросы советского общества, и, в целом, она не дала стране никаких новых и реальных проектов для выхода как из экономического, так и из политического кризиса.

Пятый выпуск. На обложке фотография многомиллионной демонстрации. Надпись: "Ереван. Театральная площадь". Это первый номер журнала с обложкой и фотографиями. Выпуск полностью посвящен событиям в Армении и Нагорно-Карабахской автономной области, национальным конфликтам на Кавказе. На первой странице рассказывается история НКАО, о причинах

национальных столкновений, вызванных преступной национальной политикой КПСС, фальсификацией истории. Читатель может познакомиться с краткой хроникой карабахских событий, прочесть выдержки из обращения участников движения "Карабах". За хроникой карабахских событий следует "Хроника безгласности и дезинформации вокруг Нагорного Карабаха", с критикой и осуждением лживых публикаций об НКАО в "Правде", "Известиях", "Литературной газете", а также в сообщениях ТАСС. Некоторые фотографии жертв азербайджанских погромщиков и фрагменты демонстрации в Ереване. На последней обложке журнала - фото, сделанное, по видимому, в Сумгаите: под двумя датами 1915 (турецкий геноцид) и 1988 (советский геноцид), между которыми нарисован нож, висит плакат: "Сумгаитские армяне за Карабах!".

На обложке шестого номера помещена фотография Александра Богданова - одного из активистов ДС, которого постоянно приговаривают к административным заключениям за участие в запрещенных митингах. "Александр Богданов - против произвола и беззакония", напечатано на обложке. Журнал, однако, начинается с заявления ДС по карабахскому вопросу. "Судьба Карабаха и судьба демократии в СССР связаны неразрывно!" Этими словами заканчивается обращение. Хроника событий и интервью с Александром Скобовым, бывшим политзаключенным, ныне учредителем клуба "Демократизация профсоюзов" и редактором журнала "Рубикон", опубликованы на страницах шестого номера. В нем же помещена статья самого Скобова под названием "Проект политической декларации". (Ее полный текст можно прочесть в журнале "Посев" № 9, с. 15)

Журнал, естественно, не оставила без внимания советская пресса. Впрочем, не только пресса... Против двух редакторов "Демократической оппозиции" - Артема Гадасика и Владимира Еременко было возбуждено уголовное дело. На их квартирах прошли обыски, был изъят весь самиздат, пишущие машинки и др. Еременко с женой был вызван в ОВИР, где им предложили эмигрировать. В основу обвинения легло стихотворение о

Ленине, "отличающееся особым цинизмом и неуважением к обществу".

Ряд советских газет поместил гневные статьи с осуждением "антисоветчиков", активистов "так называемого ДС", который полностью отвергает идеологию марксизма-ленинизма, что и является его основной "виной".

Не по вкусу деятельность ДС и "Демократической оппозиции" некоторым "неформалам" левого и прокоммунистического толка, а также части правозащитников, с неутомимым упорством продолжающих отрицательно относиться ко всяческим партийным группам. Так, основным камнем преткновения между ДС и Народным фронтом является слово "социализм". "Демократы" из НФ считают, что "в нашей стране не сложились условия для многопартийной системы". Нападкам подвергается и программа ДС за не точности (свойственные каждой молодой партии). Но, может быть, все-таки лучше, ошибаясь, искать разумное реше-

ние, чем раз и навсегда, по примеру большевиков, совершить непоправимую ошибку, выдавая ее за абсолютную "истину"?

И недаром репрессии в первую очередь обрушились на политических противников режима. Среди них - ДС и "Демократическая оппозиция". И одно это вызывает уважение. Ведь ни за что сегодня, действительно, не сажают.

Журнал обладает присущей еженедельнику информативностью, читается свободно. А главное, имеет свой стиль - четко выраженную политическую позицию.

Последний, достоверно известный нам номер "Демократической оппозиции" - двадцать первый (январь 1989 г.). Перепечатку опубликованной в нем статьи "Как я стал ненавидеть" (автор Артем Волинец) можно прочесть в февральском "Посеве" за 1989 год.

Д. П.

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, отразившаяся в названии организации - построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. Сегодня НТС борется за отстранение КПСС от власти, устранение существующего режима и проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских“ режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы: сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;
- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;
- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;
- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны;
- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

Никто за нас нашего дела не сделает. А делать все возможное, пока не поздно, нужно сейчас. На территории СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопринимом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, NL-Rotterdam, Nederland (Голландия)

Последний Замысел Ленина

*Создание организационной основы
внутрипартийной диктатуры*

Н. РУТЫЧ

"Неудача похода на Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии, - писал Троцкий вскоре после X съезда, - заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского договора (мир с Польшей. - Н. Р.) и остановилось на условном признании царских долгов"¹.

Тяжело было Троцкому и его сторонникам пойти после планов "военизации" промышленности и транспорта 1920 года, после создания "трудовых армий" на те огромные уступки крестьянству, которые были провозглашены в резолюции X съезда - "О замене продразверстки натуральным налогом".

Ленин, инициатор новой экономической политики, хорошо понимал, что не сделав далеко идущих уступок, не предоставив большей экономической свободы населению страны, и прежде всего крестьянству, невозможно будет удерживать диктатуру партии над страной.

Начинается не только поощрение расширенной запашки, но во многих местах возвращается отобранная комбедами у хуторян земля. Со введением твердой валюты парализованная экономика страны начала оживать.

Уже летом 1921 года Ленин ставит вопрос о частных концессиях для иностранного капитала, а 16 марта 1921 года заключается первое англо-советское торговое соглашение, за которым следуют другие.

В апреле 1922 года на Генуэзской конференции советская делегация готова признать царские долги при условии получения широких кредитов, а 16 апреля в Рапалло, предместье Генуи, - Чичерин

Главы из книги Н. Рутыча "КПСС у власти", изд. "Посев", 1960. Печатаем с небольшими сокращениями.

и германский министр Ратенау заключают договор, по которому Германия открывает для коммунистического правительства широкие торговые кредиты.

Не лишено пикантности, что первым германским послом в Москву, после графа Мирбаха, назначается тот самый граф Брокдорф-Ранцау, который посвятил так много времени организации финансирования партии большевиков в 1917-1918 гг. Вскоре он заключает с большевистским правительством новое секретное соглашение, по которому германская армия, лишенная по Версальскому договору права иметь авиационные и танковые части, обучает кадры для них на секретных военных полигонах и аэродромах в СССР.

Слова Рязанова на X съезде о том, что мы "заключили крестьянский Брест"², помимо воли их автора приняли двусмысленное значение. Но не только Рязанов, сам Ленин в статье "О значении золота теперь и после полной победы социализма" сравнивает нэп с "брестской передышкой", говоря: "Мы отступили к государственному капитализму"³.

Давая объяснение о государственном капитализме в своем политическом отчете на XI съезде партии 27 марта 1922 года, Ленин прибег к самой тривиальной демагогии о "пролетарском государстве".

"Государственный капитализм... объяснял Ленин, - это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия. А у нас государство пролетарское..."⁴.

Слова "пролетарское государство" сами по себе ничего не говорят. Сущность же государственных предприятий в

России и при Ленине, и тем более после него, была и осталась такой, при которой русские рабочие не имели и не имеют прав, позволяющих им менять положение в государственной промышленности или влиять на уровень реальной заработной платы, приравнивая ее хоть сколько-нибудь к уровню заработной платы рабочих, занятых на государственных предприятиях так называемых капиталистических стран.

Но кто же, по Ленину, представляет это "пролетарское" государство, определяющее условия работы на государственных предприятиях в СССР?

"...когда мы говорим 'государство' — объясняет Ленин, — то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса"⁵. Что такое авангард рабочего класса, Ленин много раз объяснял — это партия. Следовательно, партия и определяет условия работы на государственном предприятии.

Перефразируя эту мысль, Ленин повторяет: "...государство — это рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы..."⁶. Форма этого государства хорошо известна — диктатура партии, обычно называемая "диктатурой пролетариата" (по той же вышеприведенной ленинской схеме) и определяемая Лениным как "...власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами"⁷.

На XI съезде Ленин досадует лишь на недостаток "уменья" у партии: "...от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно ("власть — не связанная никакими законами". — Н. Р.); экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса..."⁸, т. е. у партии.

Такова сущность экономического и политического режима, который был введен Лениным и партией, в своей основе продолжает существовать в России и поныне.

Ибо с ликвидацией мелкой частной собственности в городе и с насильственным переводом крестьянства с частного землепользования на колхозное этот режим не изменился в своей сущности, о

которой мы говорили выше. И если распространение этого режима на все население Сталин в тридцатых годах назвал построенным в одной стране социализмом, то сущность отношения к рабочим и крестьянам и их права ни в чем не изменились. В период власти Сталина режим лишь стал по форме еще более жестоким, эксплуататорским, свирепым.

Октябрьский переворот установил диктатуру большевистской партии над страной. Но понадобилось три с половиной года ожесточенной гражданской войны и террора ЧК, чтобы осуществить диктатуру партии согласно приведенной формуле Ленина.

Эта формула вскоре была закреплена официальной резолюцией XII съезда (17-25 апреля 1923 года), где прямо говорится: "Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. компартии"⁹.

Если партия, опираясь на "непосредственное насилие", осуществила теперь свою диктатуру над страной, то в ней самой в значительной степени сохранялось известное право на свободу мнений, хотя и в очень узких рамках доктрины. В партии были еще возможны такие кризисы и разногласия, как послеоктябрьский кризис по вопросу однопартийного или коалиционного правительства, брестский кризис и, наконец, кризис, возникший в связи с отношением к профсоюзам, но фактически являвшийся спором о степени распространения ленинской формулы власти на рабочих.

После "дискуссии о профсоюзах", но, конечно, в гораздо большей степени в связи с Кронштадтским восстанием и введением нэпа, перед Лениным остро встал вопрос о дальнейших судьбах носителя власти — партии.

Решение, предложенное им, заключалось в знаменитой резолюции "О единстве партии", принятой наспех X съездом, когда больше 200 делегатов уже уехало, главным образом, на фронт против Кронштадта. Поэтому только 35 голосов было подано против этой резолюции.

Приведем пункты 6 и 7 (последний не был опубликован вплоть до решения XIII

партконференции) этой важнейшей в истории партии резолюции:

"6. Съезд предписывает немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы и поручает всем организациям строго следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии.

7. Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии"¹⁰.

Для решения о применении этой меры требовалось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов пленума ЦК. Эта резолюция сделалась главным оружием победившей в партии фракции для борьбы не только со всеми инакомыслящими, но и для подчинения каждого члена партии партийному аппарату, - той секретарской "политической бюрократии", которая с этого времени начинает фактически делаться носителем партийной диктатуры.

Подбирая работников партийного аппарата, Ленин и его сторонники организовали большинство на съездах, расправлялись со своими противниками в партии. Ленинское отношение к Шляпникову, Мясникову и другим представителям Рабочей оппозиции разрушает возникшую позже легенду о том, что в начале двадцатых годов Ленин пытался сохранить и защитить в партии право свободного высказывания. Разумеется, борьба фракций, начавшаяся в двадцатых годах и окончившаяся лишь с победой Сталина, не дала возможности сразу дополнить диктатуру в партии "идеологическим единством", совершенно необходимым не только для ликвидации фракций и различных оппозиций, но и для поддержания единства в партии в том виде, какой хотел придать ей Ленин на X съезде.

Резолюция "О единстве партии" запрещала выступления с любым коллективным мнением, расходящимся с данным большинством в ЦК, практически, с господствующей политической комбинацией в Политбюро.

Иначе говоря, олигархическая группа нескольких лиц, располагающая партийным аппаратом, после X съезда получила диктаторские права в партии. Разумеется, новое положение вошло в силу не сразу, как мы это видели в случае со Шляпниковым. Но это был последний случай, когда в ЦК не было собрано нужного Политбюро большинства* . После прекращения Лениным работы, по болезни, прошло еще 6 лет борьбы, после чего вся полнота власти оказалась в руках единоличного диктатора.

Ленин перед концом своей жизни постарался создать в партии режим жесткой дисциплины, сковать ее насильем, ибо он не верил ни в движущие свободные силы партии, ни во "внутрипартийную демократию".

Ближайшее окружение Ленина голосовало за резолюцию "О единстве партии". Ее жертвой (с формальной точки зрения) последовательно стали Троцкий и его друзья, Каменев, Зиновьев и их сторонники, Рыков, Томский, Бухарин и многие другие из тех, кто голосовал за эту резолюцию на X съезде.

Один Радек на X съезде говорил, что "голосуя за эту резолюцию, я чувствую, что она может быть обращена против нас..."¹¹. Но и он, как и другие позже, выдвигал в качестве главного довода для оправдания этой резолюции то, что устойчивость диктатуры партии в стране есть высшая ценность.

Этим же доводом пользовался Сталин лично или через следователя, требуя от своих коллег по Политбюро и ЦК признания во всем, что ему казалось выгодным, во время процессов тридцатых годов, когда шла кровавая чистка среди ленинской гвардии.

* На Пленуме ЦК после XI съезда судьба Шляпникова была решена 1 голосом. За предложение Ленина об исключении Шляпникова голосовало 17 против 10. Не хватило 1 голоса для необходимых, согласно Резолюции, двух третей пленума.

Почему же все-таки столь легко пошла эта "ленинская гвардия" на новый режим в партии, введенный ее вождем на основании резолюции "О единстве партии"? В конечном итоге большевики сознавали и понимали, что они узурпировали власть в стране против воли народа. Они жили в постоянном психологическом страхе перед революцией против установленного партией режима, хотя называли обычно своих противников "белогвардейцами", "кулаками", "шпионами французской разведки" и т. д., как это мы видели на примере Кронштадта.

Кронштадт обострил этот постоянно живущий в коммунистической верхушке страх; вызвал панику среди ее отдельных представителей. Ленин умело использовал это положение 16 марта 1921 года.

Решение X съезда и кронштадтские события хронологически совпали в истории КПСС. Если решения съезда не только окончательно зафиксировали отрыв партии от профсоюзов и рабочих масс, но и установили диктатуру ленинского большинства ЦК над партией, то кронштадтские события продемонстрировали эти решения в жизни. В марте 1921 года закончился второй период, второй этап развития партии. Он начался в июле 1918 года после ликвидации коалиционного правительства, в которое входили левые эсеры, и охватил период, когда система строжайшей централизации, железной дисциплины и военных методов насилия, столь успешно насаждаемых Троцким при содействии Ленина, была в основном отстроена.

Введение нэпа породило новые надежды у той части меньшевиков и эсеров, которая стояла на позициях не борьбы с большевизмом, а легальной оппозиции к коммунистической партии.

Эти надежды, казалось, должны были иметь основания, после того, как часть партий "революционной демократии" выступила в 1919 году в поддержку коммунистической партии в ее борьбе против Колчака и Деникина. Больше того, меньшевики много раньше предлагали экономические мероприятия, которые Ленин провел в марте 1921 года под названием нэпа.

Хотя в Кронштадте сколько-нибудь заметного влияния меньшевиков не было, их популярность среди профсоюзов была в 1920-1921 гг. все еще довольно значительной.

На Всероссийском конгрессе профсоюзов в Москве в апреле 1920 года было еще 70 меньшевистских делегатов. Меньшевики имели большинство в московских союзах печатников, рабочих химической промышленности¹²; многие забастовки, в частности в Одессе в 1922 г., шли под меньшевистскими лозунгами.

Но Ленин не пошел на легализацию партий "революционной демократии". Наоборот, вслед за введением в самой коммунистической партии режима диктатуры, начинается быстрая ликвидация остатков меньшевиков, эсеров и анархистов.

На XI съезде, 27 марта 1922 года, он заявил: "За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать..."¹³.

В период нэповского отступления Ленин во что бы то ни стало хотел сохранить монополию власти для своей партии. В то же время он не противился многочисленным переходам отдельных меньшевиков в свою партию. Примеры Вышинского, многолетнего посла в Лондоне Майского, посла в Берлине Химчука и многих других хорошо известны.

На том же XI съезде, где Ленин грозил меньшевикам пулеметами, несмотря на то, что по докладу Шкирятова (мандатная комиссия) меньшевики и эсеры "...выходили отдельными группами", а "на Украине даже целыми организациями"¹⁴, несмотря на все это - из 520 делегатов съезда с решающим голосом 87 принадлежало к бывшим членам партий революционной демократии. Бывших меньшевиков было 46, бывших бундовцев 10, бывших эсеров 18, бывших анархистов 3 и прочих 10.

Из 154 делегатов с совещательным голосом было 19 бывших меньшевиков, 3 бундовца, 3 эсера и ряд других¹⁵.

Революционная демократия, так боявшаяся в 1917 году "врагов справа" и объективно содействовавшая захвату большевиками власти, теперь в своей

значительной части растворилась в коммунистической партии, пожертвовав идеями и идеалами Февральской революции.

Примечания

1. Л. Троцкий. "Военная доктрина или мнимое доктринерство". Изд. Высшего Военного Редакционного Совета. М. 1921, с. 18.
2. Протоколы X съезда. Стенографический отчет. М. 1921 с. 225.
3. Ленин. Избр. произведения. М. 1946, т. 2, с. 743.
4. Там же, с. 766.
5. Там же, с. 766.
6. Там же, с. 766.
7. Там же, с. 344.
8. Там же, с. 766.
9. КПСС в резолюциях. Часть I. М. 1954, с. 683. В примечании говорится, что формулировка

"диктатура партии" появилась по недосмотру и была поправлена Сталиным. Но достаточно просмотреть текст резолюции, чтобы убедиться, что эта формулировка из него проистекает совершенно логично: "...РКП руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики. Задачи партии не только в том, чтобы правильно распределить своих работников (...), но и в том, чтобы во всем существенном определять и проверять самый ход этой работы".

10. КПСС в резолюциях. Ч. I. М. 1954, с. 529.
11. Протоколы X съезда РКП(б). Стенографический отчет. М. 1933, с. 540.
12. L. Shapiro. The Origin of Communist Autocracy. London 1956, pp. 200-203.
13. Ленин. Избр. произведения. Том 2, М. 1946, с. 769.
14. XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. Доклад Мандатной комиссии. М. 1922, с. 335.
15. Там же, с. 335.

Теория и практика

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Какое общество, какое государство построены в России? Вопрос этот волнует многих. Если провести конкурс на лучший ответ на поставленный вопрос, то победителей мы скорее найдем не в "Правде" или в "Коммунисте", а в "Крокодиле" или в "Литературке", на ее шестнадцатой полосе. Нам понравились, например, такие версии: "Мы создали такой крепкий экономический фундамент, с которого сдвинуть экономику нелегко". Или: "Оказывается, в нашей истории не все так черно - есть и белые пятна", "Мы так долго молчали, что только об этом теперь и можем говорить" (Литгазета, 15.2.1989 г.).

О социализме впервые сказал Т. Моор. Потом - Т. Кампанелла. О нем много писали Маркс и Энгельс. Затем также много - Ленин. Не меньше и Сталин. Но в отличие от других классиков социализма, Сталин еще и делал - строил этот самый реальный социализм. И построил...

Какой социализм построен в СССР?

Социализм по-сталински плох, - говорит известный экономист Отто

Лацис. - Нам нужен социализм по-ленински.

Дети, - сказала учительница ребятам из девятого класса, - поднимите руку те, кто считает, что Октябрьская революция была не нужна. Из 36 присутствующих 33 подняли руку. Нет преимуществ у социализма, - объяснили растерявшейся женщине дети. - Ни экономических, ни политических, ни социальных, ни духовных. У них там уже второй век демократии, а мы ей еще учимся. Они там в либерализм "играются", а мы - в лагеря с овчарками и колючей проволокой, с "врагами народными" да посмертными реабилитациями с истекшими сроками давности. Так что хоть по-ленински, хоть по-сталински ("Русская мысль", 10.2.1989, с. 4).

Тезис о построении в нашей стране социализма в середине 30-х годов, считает Татьяна Заславская, был выдвинут Сталиным прежде всего для камуфляжа реально происходивших событий. Он не был научно аргументирован и свидетельствовал лишь о цинизме выдвинувшего его человека. То же самое, полагает она, надо сказать о провозглашении "развитого социализма" в середине 70-х годов.

Но если Сталин, а потом и другие управители страны болтали чушь, то напрашивается наводящий вопрос: "Чего это такое большевики наворотили в России за 70 лет своего правления?"

В итоге сформировался сложный клубок общественных отношений, формы которых чаще всего противоречили содержанию. Это было одной из причин формирования ложного общественного сознания, которое все еще отражало высокую цель революции и питало энтузиазм масс. Но и сейчас далеко не просто определить, что за социальный организм это был, тот, в котором причудливо смешались элементы общества, переходящего от капитализма к социализму, азиатской деспотии, государственно-монополистического капитализма, а может быть, и каких-то иных типов общества ("Перестройка как социальная революция". Академик Т. Заславская отвечает на вопросы читателей. "Известия", 24.12.1988).

Общественная структура, утвердившаяся в результате такой операции вычитания (социализм минус демократия), была, конечно, во многих отношениях более эластичной, чем та, что существовала до середины 50-х годов. Но как та, так и другая признавали неписаной нормой администрирование, авторитарно-бюрократический характер взаимоотношений между руководителем и массой, систему привилегий для высших этажей конусообразной социальной иерархии; как та, так и другая, провозглашая лозунги движения, в действительности были внутренне ориентированы на стояние, на поддержание и охрану существующего порядка вещей (Мнение историка Ю. Буртина, изложенное в сборнике "Иного не дано", с. 598-599).

Доктор философских наук А. Антонович считает, что все наши беды произошли от радикального изменения структуры партии после гражданской войны, когда в нее ринулись необразованные, политически неподготовленные люди. Сталин был первым, кто учуял, что в этой массе есть потребность в директиве сверху, в подчинении. Тогда родился аппарат. В этом гениальность Сталина, которую мы не хотим сегодня

признавать. Он воспользовался своим открытием до конца ("Социологические исследования", № 5, 1988).

Экономист Л. Попкова: "Еще вчера мы были убеждены, что мы строили и построили социализм, сегодня одни говорят, что вовсе не социализм мы построили, другие - что построили не ленинский, ведущий к процветанию и изобилию (через разрушение и насилие), а сталинский, приведший на грань пропасти (тоже через разрушение и насилие, но более свирепое и менее справедливое, чем у Ленина)..." (Л. Попкова, "Вчера и сегодня", московский журнал "Референдум", № 25, 1989).

Параметры социализма

Приведенные мысли - четкая демонстрация плюрализма мнений в эпоху гласности и перестройки. Но этого мало. Следует разобраться в самом понятии социализма. Наиболее четкой представляется нам формулировка, данная доктором юридических наук Б. Курашвили. Говоря о специфических чертах социализма, он утверждает: "Их совсем немного - общественная собственность на средства производства, распределение по труду, более значительная, чем в предыдущих формациях, роль государства в управлении экономикой и социально-культурной жизнью в целом" ("Социологические исследования", № 5, 1988).

Доктор философских наук В. Демичев выделяет следующие признаки социализма: во-первых, собственность на средства производства принадлежит трудящимся, и поэтому отсутствует классовая эксплуатация, распределение осуществляется по принципу "каждому - по труду"; во-вторых, политическая власть находится в руках народа, она все более наполняется элементами самоуправления; в-третьих, единство общества и личности приобретает иной, чем прежде, характер: обогащается духовная культура человека, его развитие и благополучие становятся во главу угла социального прогресса (В. Демичев, "О природе деформаций социализма", "Аргументы и факты", № 5, 1989).

Фактически и Курашвили, и Демичев повторяют концепцию, выдвинутую много лет назад философом-солидаристом Р. Редлихом, который говорил о трех монополиях партии в областях политики, экономики и идеологии. Доктора наук речь ведут о том же. Но, пряча суть за трескотней фраз, они повествуют об общественной собственности, то есть о валовом национальном продукте, о бюджете страны (открытом и скрытом), которым от имени народа распоряжается номенклатура; о распределении ценностей в обществе "по труду", то есть по указке той же номенклатуры; о монополии "государства" (опять той же номенклатуры) в экономической, социальной и культурной сферах жизни общества.

Курашвили рассуждает еще и о вариантах социализма: о левом и правом в социалистической политике. Он считает, что левая политика ориентируется на реализацию вышеуказанных специфических черт социализма, причем обнаруживает тенденцию ограничиться ими. Между тем, социализм, с его точки зрения, – строй переходный, от капитализма к коммунизму, и он не может не нести в себе каких-то общечеловеческих черт: товарно-денежные отношения, которые имеют объективный характер и не могут быть преобразованы; демократические формы организации общественной жизни, которые тоже существуют тысячелетия.

Специфические черты капитализма могут присутствовать в социалистической политике в определенных условиях и при определенных обстоятельствах: частно-предпринимательская деятельность (концессии, совместные предприятия с западными странами). Правая же политика, по мысли Курашвили, ориентируется на использование в социалистических целях некоторых элементов капитализма, левая – на чистоту реализации социалистических черт. И есть еще один курс, который ориентируется на большее или меньшее использование пограничной зоны, прежде всего, в товарно-денежных отношениях.

Модель Курашвили заслуживает внимания: ее уже взяла на вооружение группа Горбачева-Яковлева-Медведева. Она подготовила концепцию своей новой

политики – *неоленинизм*. Смысл концепции – во что бы то ни стало доказать возможность построения социализма в России.

И еще одну домашнюю заготовку приготовил для неоленинистов доктор Курашвили: существует целый спектр социалистических политик, они всегда являются объектом выбора. Он насчитал шесть таких политических режимов в рамках социализма. Первый – тоталитарный, запредельный режим, выходящий (по его мнению) за рамки социализма; с этой чумой социализм сталкивался исторически. Это режим нескольких лет сталинизма. Классический пример тоталитарного режима – Кампучия. Дальше по этому вееру – жесткий авторитарный режим. Именно он и характеризует все годы сталинизма, не 20-е, а 30-е и 40-е годы. Затем идут авторитарно-демократический и демократически-авторитарный режимы. И, наконец, развернутый демократический режим – предел мечтаний автора, причем не близкий. Есть еще один режим – анархо-демократический. Он был в Польше до 1981 года.

Курашвили думает, что сейчас СССР в лучшем случае располагается где-то на переходе от жесткого авторитарного режима к авторитарно-демократическому. Не исключено, что в течение нескольких лет, а может, двух-трех пятилеток СССР подойдет, по его мнению, к демократически-авторитарному режиму. "Но пока социализм в нашей стране, – заключает он, – не будет экономически процветающим, саморегулируемым строем, развернутый демократический режим едва ли достигим" ("Социологические исследования", № 5, 1988).

Реальный социализм

В наши дни реальный социализм – построенную в СССР общественно-экономическую систему – критикуют все. В том числе Горбачев и Медведев. Новый главный идеолог партии жалуется:

"Известно, что партийный аппарат формировался десятилетиями. Каждое новое крупное решение сопровождалось созданием новых подразделений. В ре-

зультате сложилась такая аппаратная структура, которая как бы все 'стягивала на себя, подменяя систему государственного и хозяйственного управления" (В.Медведев, "К познанию социализма", журнал "Коммунист", № 17, 1988).

В чем же дело? Кто виноват в том, что социализм в России принял форму Административно-Репрессивной Системы? Многие, в том числе лидеры КПСС и ведущие политологи, не задумываясь, отвечают: "Сталин!"

К этому итогу пришли, например, участники "круглого стола" журнала "Огонек" (№ 12, 1988):

"Сталин выдвигал идеи, выглядевшие для политически не слишком искушенных, а то и не очень грамотных людей вполне марксистскими, хотя по сути они прямо противоречили взглядам Маркса и Ленина, противоречили сущности социализма".

Но если внимательно присмотреться к практическим делам Сталина, то не составляет большого труда убедиться в том, что Сталин всегда шел по доктринальной колее, протоптанной Марксом и Лениным. Эту мысль блестяще доказал своими очерками "Истоки сталинизма", опубликованными в номерах журнала "Наука и жизнь" (№№ 11, 12 1988 г., № 2, 1989) доктор философских наук А. Ципко.

Велик соблазн вычеркнуть Сталина, а вместе с ним и его политическую практику, его представление о социализме из истории марксизма-ленинизма. Велик соблазн уподобить победу Сталина над всеми его противниками в Политбюро ЦК ВКП(б) термидору Наполеона. Представить все это как контрреволюционный переворот, как полный разрыв с идеологией и идеалами большевиков. Стоит только согласиться с этой соблазнительной мыслью, и все проблемы в один миг решаются: Сталин осуждается, сохраняется вера в идеал, в построение социализма в России под новым знаменем "неоленинизма".

Желание Горбачева, Яковлева и Медведева принять такую концепцию понятно. Им невозможно примириться с тем, что все глобальные причины неудач социализма, с которым связаны вся их

жизнь и умопомрачительная карьера, лежат в теории, в самой "архитектуре проекта", в завыренных идеях, в просчетах и ошибках Маркса, Энгельса и Ленина. А "неосталинистам", таким деятелям как Лигачев, Чебриков и Щербицкий, хочется верить, что во всем были виновны враги и какие-то внешние, случайные обстоятельства.

Кстати, подобная ленинско-сталинская психологическая самозащита еще на заре советской власти породила правило во всех случаях искать "врагов", "вредителей", "саботажников". Живуч этот феномен термидора и в наши дни. Ветеран партии З. Немцова, прошедшая через ужасы сталинских лагерей, в своем интервью журналу "Огонек" (№ 27, 1988) убеждает читателей в том, что репрессии 1937-1938 гг. организовали белогвардейцы и жандармы, пробравшиеся в органы НКВД в Москве и Ленинграде. Журналист А. Лабезников проводит мысль о том, что Сталин с самого начала был провокатором и агентом царской охраны (А. Лабезников, "Линия судьбы", "Советская культура", 16.6.1988).

Да, велик соблазн отделить сталинизм от социалистического строительства. Сейчас многие заняты этой хорошо оплачиваемой работой. К примеру, доктор философских наук А. Бутенко уверяет, что политическая система времен культа личности с ее массовыми репрессиями, антигуманизмом и технократическим подходом не представляла собой политическое господство рабочего класса и его союзников. Было бы кощунственно утверждать, возмущается он, что власть рабочего класса вообще способна на такое. Гораздо правильнее считать, что налицо была осуществленная Сталиным и его окружением узурпация классового господства со всеми ее извращениями, деформациями и бонапартистской игрой на несовпадении интересов рабочих, крестьян и служащих.

Доктринальные просчеты основоположников

Нельзя не видеть, что гипотеза термидора сразу же снижает интерес

ко всем другим возможным предпосылкам сталинизма, и прежде всего к доктринальным. Ибо чем больше люди будут негодовать по поводу пороков Сталина, этого "изменника делу революции", тем меньше они будут думать о самой октябрьской революции, о ее порочности, о ее заблуждениях, о диалектике революционного насилия. Разговор на эту тему, начатый писателем Ю. Трифоновым в его "Старике", не был продолжен другими писателями или учеными в СССР.

Диалектика централизации власти и обобществления средств производства, глубинные противоречия начатого Лениным (а совсем не Сталиным) "дела", иначе говоря, проблемы ленинизма, так и не стали предметом ответственного анализа. Отсюда и парадокс нынешней мировоззренческой ситуации — все увеличивающееся прославление Ленина и его учения при доказанности роковой ошибки, заложенной в предложенный тем же Лениным политический эксперимент. К примеру, альтернатива 1929 года, выбор масштабов и методов индустриализации не увязываются с основной альтернативой развития России, то есть с динамикой развития всей человеческой цивилизации, с развитием передовых западных стран.

Сталинская идея колхозного строя не связывается с идеей Маркса о полном преодолении мелкого частного производства на земле, которая была сформулирована в "Критике Готской программы". Именно там Маркс выдвинул идею чистого, нетоварного, безрыночного социализма, основанного целиком на общенародной форме собственности. Именно этой марксовой идее следовал Сталин, уничтожая миллионы российских крестьян. Сталинская идея не связывается также с ленинской идеей продрозверстки, с предложенной Лениным идеологией военного коммунизма.

Сегодня выявляются грубые ошибки Сталина, его зверства и преступления в годы террора. Но ничего не говорится о тех роковых ошибках, за которые он лично не должен нести никакой ответственности. Никто (кроме, разумеется, А. И. Солженицына и некоторых других эмигрантских и западных ав-

торов) не говорит о трагедии ленинской октябрьской революции, о кощунственных для страны и народа теоретических изысканиях Ленина и ленинцев, о кровавой практике учения под названием ленинизм. А ведь нет никаких оснований вырывать творение сталинизма — тридцатые, сороковые и пятидесятые годы из общей логики развития октябрьского переворота, впрочем, как и отрывать кровавый 1937-й год от кровавого 1918-го, 1921-го или 1929-го.

Следует согласиться с Ципко, когда он утверждает:

"Наши публицисты почему-то забыли, что Сталин не просто создавал свое царство, укреплял свою единоличную власть. Он ведь преобразовывал социальную структуру общества, быт людей, строил социализм в соответствии с предначертаниями теории, пытался как мог ускорить движение России к коммунизму, начатое в октябре 1917 года.

Зачем обманывать себя, мифологизировать Сталина и его дело? И он, и его деятельность являются порождением революционного движения, которое началось задолго до того, как Сталин пришел к власти. Сначала было слово. Поэтому мы просто обязаны соотнести это слово, то есть научный социализм, с собственными представлениями Сталина о коллективистском обществе, а затем наконец уже примерить совершенное им дело к тому, что мыслили о социализме Маркс, Энгельс и Ленин" (А. Ципко, "Истоки сталинизма", журнал "Наука и жизнь", № 11, 1988).

Причины развала социализма

Много интересных статей написано в пору перестройки, сотни страниц посвящено сказу о нерадивости русского крестьянина. Но у большинства публицистов-перестройщиков не нашлось ни одного слова, чтобы пробудить у граждан интерес к самому "слову", которое было раньше "дела", — к первоначальному ленинскому плану построения социализма в одной стране. Почти никто из советских авторов не написал о доктринальных причинах так называемой деформации социализма, то есть о

пороках самих проектов ленинских планов. А речь идет не о философских спорах, речь идет об идеях, взятых на вооружение правящей партией – КПСС, об идеях, определивших и определяющих судьбу сотен миллионов людей. Цена "архитектурной ошибки", обнаруженной в процессе построения "здания", не выдержавшего испытания временем, громадная: проект реализовывался на живом теле гражданского общества.

Отвалилась штукатурка, облупилась краска, нанесенные сталинской и брежневской пропагандой успеха. Открылся честному народу каркас. Появилась возможность заглянуть и в фундамент построенного в боях социализма. И советский народ ахнул: дефекты конструкции – это не отступления Иосифа Виссарионовича от первоначального проекта социализма. Это прежде всего отступления Маркса, Энгельса и Ленина от жизни, явная неспособность основоположников заглянуть в будущее.

Стала модной критика деформированного, казарменного, уравнилельного социализма, построенного Сталиным. Но критика обходит стороной структурные причины этой казарменности. Уходит критика и от вопроса вопросов: возможно ли построить неказарменный, демократический социализм на нетоварном, безрыночном фундаменте?

И это действительно центральный вопрос. Почему во всех без исключения случаях, во всех странах, включая Кубу Фиделя Кастро или Иран Хомейни, борьба с рынком, с товарно-денежными отношениями всегда приводила к тоталитаризму, к ущемлению прав и достоинства личности, к всемогуществу исполнительной власти? Маркс не видел этого трудного вопроса. Марксисты считают, что для его постановки не было исторического опыта.

И тут советские марксисты разделились на два лагеря. Одни упорно отождествляют товарное производство с капиталистическим, доказывают, что оно неотделимо от эксплуатации, которая в принципе чужда социализму, и потому, мол, товарно-денежные отношения в лучшем случае можно лишь использовать в качестве вынужденной меры до наступления лучших времен.

Они ссылаются на весьма определенные высказывания против товарного производства со стороны Маркса и Ленина.

Современные марксисты из другого лагеря лихорадочно ищут подпорки для марксистско-ленинского учения. Словно утопающий за соломинку, они хватаются за одну "деталь". Все это верно, говорят они. Все до единого высказывания, в которых содержатся подобного рода оценки, касаются товарного производства, функционирующего на эксплуататорской основе, то есть частнособственнической модели стихийного товарного производства и рынка. Что же касается высказываний классиков марксизма-ленинизма о дальнейших перспективах товарного производства, о замене его в будущем прямым продуктообменом, то они имели характер прогнозов, на одновариантности которых Маркс, Энгельс, Ленин никогда не настаивали. В трудах Маркса и Энгельса вариант использования товарных форм в отношении социалистической экономики не был предметом специального анализа. Марксизм, мол, всегда опирался на конкретный опыт, практику, и такой анализ был уготован Ленину, обосновавшему идею хозрасчета – организационно-экономическую форму товарно-денежных отношений при социализме.

Изложенная концепция и кладется ныне в фундамент новой политики под названием "неоленинизм". Уходя на время от теории классовой борьбы, скомпрометировавшей себя, новые теоретики ленинизма рассуждают не о диктатуре пролетариата, а об умнице-природе, снабдившей живые организмы и их сообщества тончайшими саморегулирующими устройствами. Ведут они речь о том, что и человеческое общество – наисложнейший организм. И он не может не обладать эффективными саморегулирующими системными механизмами. Они-то как общечеловеческие достижения и характерны для цивилизации.

"Таким устройством в области экономики является товарное производство. Его можно отнести к подлинным изобретениям, столь же великим, естественным и неизбежно рожденным челове-

ством, как огонь и колесо. Производитель, оказавшийся в плену этого удивительного механизма, не может не работать интенсивно и не выпускать добротные вещи, прямо отвечающие спросу. Ибо иных вещей в условиях конкуренции никто не купит. Но и покупатель не может избежать высококачественного труда, без платы за который он рискует оказаться в положении нищего на переполненном рынке" (С. Алексеев, "Формула перелома", Литгазета, 22.2.1989).

Нынче неоленинисты говорят крамольные слова. Они соглашаются с тем, что многократно писали их идеологические противники — солидаристы. А именно: при рыночных отношениях экономическая структура действует автоматически, "сама", на основе интереса и удовлетворения потребностей. Товарное производство — это своего рода безостановочно работающее "сердце" эффективной экономики. Товарное производство — как саморегулирующаяся эффективная экономическая структура — не имеет достойных альтернатив.

Будто в последнем слове на суде истории эти марксисты, сторонники товарного производства, говорят:

"Попытки введения прямого продуктообмена, будем честными, окончились провалом, и в современных условиях ничего, кроме 'карточного социализма' и 'казарменного коммунизма', дать не могут. В качестве достойной альтернативы не может выступать и система централизованного административно-хозяйственного управления, поскольку она порождает иждивенчество и уравниловку. Необходимая и эффективная в экстраординарных ситуациях войны, кризисной обстановки, чрезвычайных исторических обстоятельств такая система в силу органически присущих ей законов в условиях нормальной хозяйственной жизни неизбежно вырождается в бюрократически-централизованную, в значительной мере работающую на 'самого себя' застойную систему, становящуюся 'раковой опухолью' экономики общества" (С. Алексеев, цит. ист.).

Подводя некоторые итоги, надо сказать, что причины развала системы социализма лежат в "архитектурной

ошибке", в порочности проекта самой общественной системы, разработанного Марксом, Энгельсом и Лениным.

"Сталин — это Ленин сегодня"

Горбачев часто повторяет: история отпустила нам мало времени для исправления ошибок. При этом он не говорит населению страны главного: ошибкой является сам проект построения модели социализма. Он не говорит даже многими понятой истины, что в целом и мышление Сталина, и его представления о социализме были типичными для марксистов того времени. Сталин как личность сформировался в марксистской среде, в ленинском окружении. Как мог в силу своих способностей и подготовки освоить теоретическое наследие основоположников. В целом он никогда не выходил за рамки азбучных истин марксизма-ленинизма.

В понимании конечных целей социалистического преобразования экономики у Сталина не было расхождений не только с Марксом или Лениным, но и со своим смертельным врагом Каутским. Сформулированный Сталиным основной экономический закон социализма почти дословно повторяет высказывание Карла Каутского о цели коллективистского производства. Смысл его (и это постоянный припев во всех горбачевских "песнях") в "обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники".

Сталин постоянно вдалбливал народу ленинские идеи. Его представления о социализме, о его первоочередных задачах и не могли существенно отличаться от того, что мыслили об этом Ленин и другие марксисты его эпохи. Почему? А потому, что в основе этих представлений лежали одни и те же социальные и философские идеи. На это обстоятельство одним из первых указал польский философ Адам Шафф.

Смысл сталинизма был выражен задолго до того, как Сталин стал все-

властным правителем России. Эта суть в мысли, высказанной Лениным и подхваченной марксистами-ленинцами. Шафф сформулировал ее точно: "Не так важно, что люди мыслят, а важно то, что они должны мыслить". Под этим само собой подразумевалось, что только партия пролетариата знает, что люди должны мыслить, что только она знает истины марксизма-ленинизма. Само понятие пролетариата трансформировалось в понятие партия, а это на практике вело к узурпации власти со стороны партаппарата, возглавляемого лидером партии.

Таким способом ловко противопоставлялось "передовое" мировоззрение авангарда рабочего класса "отсталому" мировоззрению крестьянских масс и гнилой интеллигенции. Эта концепция, наложенная на низкую правовую культуру, бездуховность и аморальность советских вождей, привела к постулату: "мы лучше других знаем истину, мы знаем нечто такое, что другим недоступно". Эта ленинская теория, переложенная на ленинско-сталинскую практику, стоила России около 60 миллионов человеческих жизней.

Присмотритесь к пудовым докладам Михаила Горбачева. И вы убедитесь, что концепция "истины в последней инстанции" продолжает находиться на вооружении у нынешнего партруководства. Многочисленные выступления генсека на партийных, государственных и общественных форумах – всегда высказывание правящей партией истины в последней инстанции. Значит, в экстремальной политической ситуации концепция эта может наделать еще много бед. Может стать, как это не раз уже бывало при Ленине и Сталине, источником оправдания любого насилия партийного государства над народными массами.

Невозможно отделить идеологическое воззрение Сталина от идей Ленина. Невозможно отделить идеологию марксизма-ленинизма от политической практики. Для Сталина, как и для Ленина, была характерна твердая убежденность в существовании неодолимых закономерностей развития истории, в неизбежном скором крахе капиталистического способа производства, в реализуемости

всех предначертаний теоретического прогноза коммунистического будущего, содержащегося в трудах Маркса-Энгельса-Ленина. Сталин, как и Ленин, убежденный атеист. Ему было глубоко наплевать на все нравственные ценности христианства. Вслед за Лениным Сталин – смертельный враг частной собственности.

Это сейчас заговорили о культурном наследии человеческой цивилизации. Но Сталин шел за Марксом и Лениным, а они говорили: "весь мир насилия мы разрушим". Сталин, как и Ленин, пытался построить жизнь народа на принципах утопической оуэновской коммунии, заодно перетряхнув культурное наследство человеческой цивилизации. Он ратовал за устойчивость генерального курса на разрушение кооперации, семейного труда и рынка. А ведь Сталин любил все свои кампании согласовывать с основоположниками. В 1929 г. в основу своей речи о правом уклоне в ВКП(б) он положил марксистско-ленинскую трактовку крестьянства как последнего капиталистического класса. Именно в марксизме-ленинизме Сталин черпал свою маниакальную убежденность в необходимости окончательного преодоления мелкого товарного производства, индивидуального, обособленного труда.

И в своей кровавой практике Сталин следовал за Лениным. "Надо поощрить энергию и массовидность террора", – писал Ленин 26 ноября 1918 года. Это Ленин телеграфировал Сталину 7 июля 1918 года:

"Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов".

Ленин указывал Пензенскому губисполкому:

"Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении".

Это Ильич дал телеграмму в Саратов 22 августа 1918 г.:

"Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты".

Это ведь Ленин подавил Кронштадтское восстание революционных рабочих и крестьян, выступивших за власть советов (муниципалитетов), против монопольной власти большевиков. Ленин подавил все крестьянские выступления. А они были против того же – против монопольной власти одной партии. Ленин потребовал почти полного запрета декларируемых революцией политических свобод.

Это при Ленине был создан невиданный по мощи репрессивный аппарат, организовано тотальное принуждение в решении экономических и политических проблем, сформирован огромный государственный аппарат (4 миллиона чиновников в 1921 году). И самое главное – подавление общества насилием в годы гражданской войны заставило надолго забыть о приоритете общечеловеческих ценностей, заменило их суррогатами "классового подхода", породило целый слой мутантов – "образованцев" (по выражению А. И. Солженицына), людей, сделавших марксистско-ленинское учение, идеологию оправданием собственных преступлений. На них в первую очередь опирался Сталин в годы Большого террора. Из них рекрутировал своих ягод, ежевых и берий – палачей рабочего класса, трудового крестьянства и народной интеллигенции.

Это ведь Ленин понимал диктатуру пролетариата (аппарата партии) как "ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть", что привело Сталина к Большому террору, ГУЛагу, войне против собственного населения. И в наши дни это учение приводит к тому, что арестовываются члены комитета "Карабах", разгоняются митинги и демонстрации, репрессируются лучшие из лучших.

Размышления над будущим

Сталин целиком и полностью вырос из Маркса и Ленина. Исследуя доктринальные, теоретические истоки сталинской практики, мы неизбежно приходим к убеждению, что сталинизм – развитие марксизма-ленинизма, пос-

кольку теория жива до тех пор, пока она имеет возможность соотноситься с практикой, с результатами ее воплощения в жизнь. Сейчас уместно спросить советских руководителей: "Что в теории Маркса-Ленина подтвердилось?", "Чему из этой теории вы намерены следовать и впредь?"

Философ Ципко пишет:

"Прежняя убежденность в том, что все написанное Марксом (и Лениным, добавим мы от себя - Ф.Н.) является истиной в последней инстанции, вряд ли будет полезной. Представьте себе, во что превратится наша страна, если мы предпримем еще одну, теперь уже третью (после военного коммунизма и сталинского наступления на рынок), попытку построить нашу экономику по модели Маркса, то есть на основе прямого продуктообмена и абсолютного директивного планирования сверху" (А. Ципко, цит. ист.).

Автора можно понять, когда он открыто говорит о "сталинском наступлении на рынок" – критика Сталина разрешена. Можно его понять, когда он критикует военный коммунизм, не называя имени Ленина (по плану которого проводилась эта кампания), ибо критика Ленина – табу в советской печати. Он прав, когда предупреждает: третья попытка избежать рыночных отношений в экономике приведет страну к полному краху.

Осознать ошибки и двинуться в правильном направлении – задача не из легких. Потому, прежде всего, что Ленин и Сталин вместе с их жестким пониманием классового подхода к любому вопросу все еще живы в значительной части нашего населения. Далеко не все еще осознали, что невозможно создать правовое государство, сохраняя убеждение, что одни классы и индивидуальности наделены особым пониманием истины, а другие нет. Не будет правового государства до тех пор, пока россиянин не будет обладать чувством экономического достоинства, пока реальная власть в экономике и политике будет по-прежнему принадлежать номенклатуре, пока выражать интересы различных социальных слоев и групп населения в парламенте будут

представители единственной в стране партии коммунистов.

Нельзя вообще ничего достойного создать в нашей стране, находясь при марксистском убеждении, что только путем разрушения всего буржуазного народ обретет нормальную жизнь. Рыночное хозяйство и правовое государство – прямые наследники человеческой культуры. А культуру надо понимать как механизм против сил разрушения, механизм обуздания звериного инстин-

кта в человеке, как созидательное начало для всего прогрессивного в обществе. И такая культура нужна человечеству единая и неделимая, без ленинско-сталинского разделения на пролетарскую и буржуазную. Поэтому будущее России не в учении Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, а в создании естественных социальных механизмов, прежде всего народного представительства и сил свободного рынка.

Нужен ли Маркс перестройке?

Александр ЮГОВ

Такой вопрос поставил в своей статье "Мифы и реальность" ("Новый мир", № 11, 1988) известный советский экономист и публицист Геннадий Лисичкин. Этот принципиальный вопрос – решающий для хода и исхода "революционной перестройки". Даже задать такой вопрос еще недавно представлялось кощунственным. Но "перестроечные конвульсии" все больше расшатывают идеологический корсет, и вопрос, вынесенный в подзаголовок Г. Лисичкиным, все больше занимает общественную мысль.

Во-первых, надо было бы уточнить: в качестве кого Маркс может быть нужен перестройке? В качестве одного из больших ученых и философов XIX века? Здесь нет проблемы, никто бы и не взялся это отрицать. Но ведь речь идет об основателе "теории научного коммунизма", а это уже нечто иное. Разного рода "демократические социалисты", отечественные и западные, хотели бы видеть Маркса сугубым теоретиком, идеи которого преступно извратили фанатик Ленин и особенно тиран Сталин. Но ведь Маркс сам меньше всего хотел, чтобы его воспринимали как кабинетного ученого. Он утверждал: дело не в том, чтобы объяснять мир, этим занимались тысячи философов, надо мир переделать. И брался за эту работу! Вместе с Энгельсом он составил генеральный проект переделки мира, имя которому – "Манифест Коммунистической партии". На протяже-

нии всей своей зрелой жизни Основоположники ни на шаг не отступали от идеи этого "проекта": от первого издания в 1848 году до последнего при жизни Маркса в 1882-м туда внесено лишь несколько незначительных изменений. Маркс был абсолютно убежден в качестве своего "проекта". Вот за это качество он и должен нести ответственность перед историей.

Сейчас в Советском Союзе все поют дифирамбы новому мышлению. Все, от Горбачева до провинциального журналиста, утверждают, что новое мышление должно проникнуть во все уголки общественной жизни. Закрытых для критики зон не должно быть нигде, в том числе и в идеологии. Почему же до сих пор нет статей с критикой положений "Коммунистического манифеста"? Или "новое мышление" на него не распространяется? Или там абсолютно все правильно?

С каждым новым месяцем "революционной перестройки" становится все яснее: коммунистическому движению не избежать откровенной дискуссии вокруг положений своего "Манифеста", вот уже почти полтора столетия определяющего идеологизированную политику коммунистов всего мира.

Исходный пункт

Все чаще можно встретить в статьях советских публицистов: Сталин не

только погубил благодатный ленинский нэп, но вообще был плохим марксистом, марксистом-отступником. Искренни ли авторы подобных высказываний? Или здесь проявляется "тактика перестройки": отлучить Сталина от марксизма, закопать его поглубже, чтобы труп сталинизма не мог воскреснуть, подобно его символическому прототипу в кинофильме "Покаяние"?

Вот и Лисичкин утверждает, что Сталин извратил Маркса - в первую очередь в толковании проблем собственности и роли насилия в социалистическом строительстве. Трудно предположить, что испытанный борец за рыночную экономику не читал внимательно Маркса и Энгельса, их "Манифест Коммунистической партии" и не знает, из какого семени выросло развесистое древо Командно-Административной Системы. Если же это благая тактика, то как она сочетается с тем, что "новое мышление" предполагает "правду, одну только правду и ничего, кроме правды"? А кроме того, шила в мешке все равно не утаишь. Особенно такое "шило", как основополагающие взгляды Маркса и Энгельса.

Чтобы отлучить Сталина от марксизма, Г. Лисичкин использует такую цитату из Маркса:

"Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7).

К этому Лисичкин добавляет от себя:

"Частная собственность не только проклятье, но и колоссальное благо до тех пор, пока она до конца не выполнит свою цивилизаторскую роль в жизни человечества. Так смотрели на судьбу частной собственности и Маркс, и Энгельс (откуда это видно? - А. Ю.). Поэтому они ни за что на свете не сорвали бы плод незрелым, зеленым, а помогли бы по возможности его созреванию, то есть не национализировали бы, имея власть, частную собственность на том основании, что она частная, не убедив-

шись предварительно, что она отжила свой век, что она неконкурентоспособна, архаична".

Очень красивая упаковка из супермаркета "Новое мышление". К сожалению, она тут же дырявится многочисленными "шилами", как только мы, не доверяя Лисичкину, обратимся к первоисточникам. Далеко при этом ходить не надо: уже в предисловии к русскому изданию "Коммунистического манифеста", написанном Основоположниками в 1882 году, мы натываемся на их отношение к общинной собственности на землю в России. Цитата длинная, но показательная.

"Задачей Коммунистического манифеста" было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община - эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею - непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?"

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития".

Как видим, Маркс и Энгельс не только готовы сорвать незрелый плод. Они даже хотели бы законсервировать его в таком "незрелом" виде на неопределенное время. Зато потом, когда произойдет русская революция, "сигнал пролетарской революции на Западе", этот зеленый плод, эта "первобытная форма владения землей" может, по их расчетам, послужить "исходным пунктом коммунистического развития".

Форма собственности, согласно теории научного коммунизма, должна

пройти исторические фазы (феодалную, капиталистическую), пока не созреет для перехода в наивысшую. Но если для страстно желаемой пролетарской революции на Западе так выгоднее, то она может и не переходить, а остаться недо-развитой. Если нельзя, но очень хочется, то можно.

Если нужно, то поменяем и терминологию. Переход к более эффективной (рентабельной, производительной) форме землепользования логично считать элементом прогрессивного развития. А по научным теориям Основоположников уже обязательно. Но как можно сказать, что форма землевладения в России не должна перейти в более прогрессивную и развитую? Следовательно, изменяется терминология. "Русская общинная собственность на землю" не должна пережить "процесс разложения". Если надо, развитие становится разложением.

Когда читаешь подобные пассажи из творений Основоположников, всплывает ехидный вопрос: а за счет чего произойдет чудесное превращение? Как может отсталая, полупервобытная форма владения землей сразу же после пролетарской революции превратиться в самую передовую? Вопрос тем более уместен, что Маркс и Энгельс как стопроцентные атеисты в чудеса не верили. Ведь мы знаем, — и Основоположники этого не отрицают, — что производительные силы развиваются медленно, квантовыми пучками созидательного и изобретательного человеческого духа. Фельдфебельскому приказу они не подвластны. Следовательно, мгновенно изменятся производственные отношения? Достаточно общину назвать коммуной или, скажем, колхозом — и общая производительность возрастет необычайно? Насколько она "возросла", — это хорошо ощущают покупатели в советских продовольственных магазинах. Ощущают ежегодно и ежедневно.

Придумываем за Маркса

Создается впечатление, что в советском обществоведении подгонка условий задачи под необходимый (на данный период) ответ приняла какой-то спортивный характер. Вчера подгоняли одно, сегодня чуть ли не противоположное. По выцара-

панным цитатам выходит, что Ленин был заядлым демократом, а Маркс и Энгельс — экономическими либералами. Возможно, это делается из самых благих намерений, из высказанной выше последовательной "стратегии перестройки". Но, увы, из благих намерений либеральную шубу не сошьешь. Слишком много "такого" понаписывали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, чтобы их можно было сегодня втиснуть в либерально-демократический ряд.

В статье "Мифы и реальность" Г. Лисичкин как раз и пытается создать новый миф:

"...марксизм четко различает д в а типа обобществления - правовое (административно-волевое) и экономическое. Лишь экономическое обобществление является условием прогресса, а волевое, насильственное обобществление вредит ему, поскольку обрекает на острый конфликт производительные силы с производственными отношениями".

Простите, Геннадий Степанович, где это Вы увидели у Маркса противопоставление "экономического" обобществления административному? Да он бы возмутился, если бы ему при жизни приписали такое! Для него обобществление — единственный путь в рай при всех условиях. И что за рыбы определения — "правовое", "административно-волевое"? Эти слова теперь родились, и в них интеллигенты, пережившие обобществление на своей шкуре, хотят тонко выразить негативное к нему отношение. Маркс и таких слов не признавал, и, тем более, вложенной в них гнилой, половинчатой сути. "Экспроприация экспроприаторов", "диктатура пролетариата", "классовая борьба", "насилие как повивальная бабка истории" — вот истинный язык марксизма. Настоящий, а не приглаженный сегодняшними парикмахерами:

"...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности" ("Коммунистический манифест").

С каких это пор "уничтожение" считается экономической категорией?

Экономическое обобществление — характеристика как раз немарксистского, несоциалистического развития. Именно "буржуазные" правительства национали-

зировали те или иные сферы производства, когда считали это экономически оправданным. Причем, ненасильственным путем. Собственность частников или акционеров выкупалась, что предупреждало бегство капитала из страны. Со временем выяснялось, что государственная монополия и отсутствие конкуренции делали нерентабельной даже отдельно взятую отрасль. И перед развивающимся обществом вставала дилемма: либо денационализировать ее, либо примириться с малорентабельной или совсем нерентабельной отраслью – из-за чисто технической невозможности конкуренции (железные дороги, почта, телефон и т. п.). Не случайно происходящая в ряде стран в последние десятилетия модернизация экономики связана, как правило, с денационализацией. Некоторые правительства даже стараются отдать в руки конкурирующих между собой компаний те сферы, которые до сих пор считались "нерасчленимыми" (телефон в США, электросети в Англии и пр.). Экономический подход к обобществлению, поэтому, должен логично предусматривать и денационализацию тогда, когда общество убедилось в экономической нерентабельности госмонополий.

Если бы марксисты-ленинцы ждали (по Лисичкину, но, увы, не по Марксу!), когда частная собственность отживет свой век, сделавшись неконкурентоспособной, то пролетарскую революцию можно было бы отложить до второго пришествия. Потому что частная собственность отнюдь не оставалась в том виде, в каком ее знали Маркс и Энгельс. Развиваясь, она непрерывно трансформировалась в более сложные формы – кооперативную, акционерную, разного рода смешанные. Если бы Основоположники были хладнокровными учеными, а не ослепленными утопистами, то медленную трансформацию они могли бы заметить еще во второй половине XIX века. В XX веке усложнение частной собственности пошло более быстрым темпом, особенно во второй его половине. Одна лишь акционерная форма собственности с каждым десятилетием приобретает все новые разновидности. Вместе с усложнением, этим неперенным спутником развития, уменьшается и та примитивная классовая

поляризация, которую Основоположники считали неустранимой.

Марксизм ничего иного, кроме *насильственного* обобществления, не знал и не признавал. И не стоит сегодня его приукрашивать. Все страны, так или иначе последовавшие за Советским Союзом "по социалистическому пути", прошли кровавый путь идеологического, насильственного обобществления. Крови было больше или меньше, но экономической целесообразности не было нигде, ни в одной стране "народной демократии". Была идеологическая заданность, которая не поверялась экономическим прагматизмом. "Под знаменем Маркса-Энгельса, под водительством товарища (вставляется фамилия местного вождя), вперед, к полной победе коммунизма!". И вся экономика. Здания национальных коммунизмов выстроены с разными архитектурными нюансами, но все они почему-то нуждаются в перестройке. Почему же так мучительно трудно их перестраивать? Потому что утопичен весь проект, потому что здания эти возведены на ложном, экономически не обоснованном фундаменте. Попытки свалить вину с главных архитекторов проекта на неумелых прорабов-строителей процессу перестройки не помогают.

Ленин и Столыпин

Предисловие к русскому изданию "Манифеста" написано Марксом и Энгельсом в 1882 году. За 20 лет община, эта "форма первобытного коллективного владения землею", "разложилась" еще больше и стала еще более заметным тормозом для развития страны. Наиболее дальновидные политики понимали, что так дальше продолжаться не может. Здесь в первую очередь нужно назвать имя П. А. Столыпина. В получившей большой резонанс статье "Истоки" ("Новый мир", № 5, 1988 год) экономист и публицист Василий Селюнин напомнил предупреждение Столыпина, высказанное им в 1902 году:

"Сохранить установившиеся, веками освященные, способы правопользования землей нельзя, так как они выразятся в конце концов экономическим крахом и полным разорением страны".

Далеко не все в стране понимали необходимость коренной реформы крестьянской общины. Например, такой авторитет для многих, как писатель Лев Толстой, ценил принцип общинного владения землей, не допуская закрепления собственности. Его дочь Александра Львовна вспоминает переписку между Л. Н. Толстым и П. А. Столыпиным. В этой переписке премьер-министр России изложил свое кредо на право землепользования.

"Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство. Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, и одно из самых сильных чувств этого порядка - чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей."

Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянства, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, - худшее рабство" (цитируется по статье Аркадия Столыпина "Кто был прав?", "Посев", № 5, 1979).

Это высказывание П. А. Столыпина сегодня, к сожалению, еще более актуально, чем 80 лет назад...

Такая коренная реформа, как реформа Столыпина-Кривошеина в 1906 году, не могла, конечно, не вызвать сопротивления в разных слоях общества. Никогда ни одна по-настоящему глубокая реформа не проходила без "сопротивления материала". Однако уже довольно скоро она стала приносить плоды. Как указывает В. Селюнин, уже "к лету 1917 года 62,5% крестьянской земли находилось в частной собственности и в личном владении, то есть не в общинах". Не в этом, правда, главное, колхозы "создавались" гораздо быстрее. Существеннее качественные успехи приватизации. Здесь стоит обратиться к такому объективному свидетелю, как французский экономический обозреватель Эдмон Тэри. В обзоре экономического положения России накануне 1-й мировой войны, составленном в 1914 году, он сравнивает сельскохозяй-

ственное производство до столыпинской реформы (среднегодовые данные за четырехлетний период 1898-1902 гг.) и после нее (среднегодовые данные за 1908-1912 гг.). Сравнение весьма красноречивое, особенно на фоне советской сельскохозяйственной статистики. За всего лишь десятилетие производство пшеницы возросло на 37,5% (экспорт пшеницы возрос на 77,1%), ячменя - на 63,2% (экспорт на 153,6%), овса - на 20,9% (экспорт на 17,1%), кукурузы - на 44,8% (экспорт - на 63%). Производство картофеля возросло на 31,6%, а сахарной свеклы на 42%. Вывод французского обозревателя:

"...ни один из европейских народов не достигал подобных результатов. И это повышение сельскохозяйственной продукции, - достигнутое без содействия дорогостоящей иностранной рабочей силы, как это имеет место в Аргентине, Бразилии, Соединенных Штатах и Канаде, - не только удовлетворяет растущие потребности населения, численность которого увеличивается каждый год на 2,2%, причем оно питается лучше, чем в прошлом, так как доходы его выше, но и позволило России значительно расширить экспорт и сбалансировать путем вывоза излишков продуктов питания все новые трудности внешнего порядка" (Эдмон Тэри, "Россия в 1914 году", изд. ИМКА-Пресс, 1986 г.).

Говоря о сельскохозяйственной реформе 1906 года, Э. Тэри замечает: "не остается никаких сомнений в полном успехе реформы".

Не мешало бы какому-либо советскому издательству, присягающему "новому мышлению", переиздать эту скромную книжечку массовым тиражом. Она была бы весьма кстати сегодня, когда мучительно переоценивается предыдущее "раскрестьянивание". Тем более, что есть весьма показательные цифры не только по сельскому хозяйству, но и по промышленности, по образованию, по финансам...

Ну, а как же отнеслись к революционной реформе Столыпина российские марксисты? Как отнесся к ней Ленин, ставший в начале века уже безоговорочным лидером наиболее радикального крыла социал-демократов, исповедующих

марксистский катехизис? Это видно из работы Ленина 1902 года "Аграрная программа русской социал-демократии". В каких-то частях ее Ленин призывает поддержать мелкую собственность. Нет, не для того, чтобы люди лучше жили, чтобы обогащались сами и обогащали страну:

"...мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим последнюю попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне..." (изд. 4-е, том 6, стр. 114).

Но как же выступить против отсталой общины, если она должна, согласно Марксу и Энгельсу, стать "исходным пунктом коммунистического развития" в России?

"Общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов... Никому и никогда не будем мы помогать "разрушать общину"..." (изд. 4-е, том 6, стр. 127).

В своих "Истоках" Селюнин показал, что Ленин фактически присоединился к самым отъявленным ретроgrадам и реакционерам. И хотя Василий Илларионович показал это очень осторожно, тем не менее получил нахлобучку от высшего идеологического начальства. Разве Ленин может быть неправ?!

История вынесла приговор, кто был прав в споре на рубеже века - Ленин или Столыпин. Сегодня, когда коллективистское "раскрестьянивание" привело к прочному дефициту всех продуктов питания, этот приговор видится окончательным и не подлежащим кассации. Сегодня руководители страны мучительно пытаются воссоздать практически уничтоженную частную собственность, правда, называя ее как угодно иначе, только не частной. И в то же время, они хотят не уронить, но даже возвысить авторитет Ленина, ее главного идейного изничтожителя. Как это совместить?!

Однако нам тоже хочется выступить в защиту Ленина. И, имитируя популярно-

го барда, обратиться к таким публицистам, как В. Селюнин, начинающим "царапать" вождя пролетарской революции: "За что ж Володю вы Ульянова? Ведь он ни в чем не виноват!". Можно ли винить Ленина за то, что он был убежденным и принципиальным марксистом? Можно ли винить главного прораба, выстроившего здание, в котором жить нельзя, если он строил это здание, не отступая в принципе от проекта? А если он фундаментально отступил от него, то надо сказать, где и в чем. А также ответить на вопрос: в каком "бараке социалистического лагеря", выстроенном по тому же проекту, жить можно?

Десять деструктивных пунктов

Вернемся, как говорится, к нашим баранам. "Коммунистический манифест" славен не только своим предисловием, откликающимся на "местные условия". Там много таких провозглашений (например, об отмене семьи, о замене домашнего воспитания детей общественным и т. п.), которые нынешние коммунисты хотели бы, мягко говоря, не выпячивать. Рассмотреть все постулаты "Манифеста" в ракурсе накопленного за столетие опыта и провозглашенного "нового мышления" было бы очень полезно для "революционной перестройки", хотя, наверное, и весьма конфузно для идеологов компартий. Но в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением чисто экономических взглядов Основоположников, их, как сказали бы сегодня, конструктивной программы. В "Коммунистическом манифесте" есть 10 пунктов мероприятий, которые должны быть повсеместно применены после пролетарской революции.

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

Иными словами, уже здесь предусмотрены сельскохозяйственные коммуны. Уже здесь запрограммирована колхозно-совхозная структура обработки земли. Насильственная коллективизация по имени не называется, но естественно подразумевается. К чему это в итоге привело - объяснять сегодня не надо. Тем, кто хотел бы сделать вид, что речь идет

лишь о крупной земельной собственности, предлагаем потерпеть до пункта 8.

2. Высокий прогрессивный налог.

Пункт как будто бы бесспорен, он сегодня на повестке дня во всех демократических странах, отнюдь не марксистских. Но именно их практика показала, что прогрессивный налог должен быть не непременно высоким, но – оптимальным. Когда он был слишком высоким, то оборачивался против общества. Вместо того, чтобы служить обществу, капитал убегал за границу либо начинал паразитировать (казино, скачки, рестораны и пр.). Споры в советской печати вокруг налогообложения новообразованных кооперативов как раз показывают: налог, конечно, должен быть прогрессивным – уже хотя бы только с психологической точки зрения. Но в "период накопления" (а именно его, с таким запозданием, опять проходит Россия!) прогрессивный налог не может быть слишком высоким. Иначе он убьет стимулы и ломает только начавшийся процесс.

3. Отмена права наследования.

Экономически снова чушь. Выполнение этого пункта привело бы к полному исчезновению желания работать у всех инициативных и предприимчивых людей на закате их жизни, к махинациям и злоупотреблениям, невыгодным в итоге обществу в целом. Иное дело – налог на наследство. Он и практикуется во всех нормальных странах, большой или меньший. В сегодняшней советской прессе раздаются голоса, призывающие к снижению налога на наследство, даже на большие состояния. Это должно усилить экономические стимулы труда предпринимателей. И эти призывы хорошо оттеняют экономическую тупость, негибкость марксистского требования – отменить право наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

О, этот пункт коммунисты всегда и всюду выполняли с удовольствием! Те, кто сегодня возмущается по поводу "ограбления русской деревни", должны были бы почаще вспоминать о первоисточнике. Ибо крестьяне, сопротивля-

вшиеся "экспроприации земельной собственности" ("кулаки") – тоже ведь в каком-то смысле мятежники. Как и те, позже них и до них, кто не был согласен с иными видами экспроприации. Нынешние "противники социалистического строя", попадающие под разные статьи уголовного кодекса, – тоже, если разобратся, мятежники. Просто терминология стала современнее и изящней. Терминология не революционеров, но победителей. А если опять-таки разобратся, то все 70 лет победы пролетарской революции – это перманентное преследование "эмигрантов и мятежников", превращение рядовых граждан в оных и конфискация их имущества. Иногда вместе с жизнью.

Так почему же сейчас все так ополчились на товарища Сталина? "Кровавые преступления! Тиран!". А ведь он, в общем, действовал по проекту. Ну, переборщил немного. Так ведь был почти первым, не с кого было взять пример. Разве что с товарища Ленина. Тем, кто шел за ними, было легче, они уже лучше чувствовали необходимые пропорции – Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Готвальд, Тито, Кастро... Все они в принципе делали одно: крушили мятежников (в том числе и потенциальных) и плодили эмигрантов. А затем конфисковывали их имущество. Или сначала конфисковывали, а затем объявляли мятежниками.

После войны многие нацисты, насмотревшись кадров кинохроники, искренне возмущались: "Гитлер нас обманул! Мы ничего такого не знали, ни про лагеря смерти, ни про газовые камеры! Мы пошли за ним от чистого сердца, а он..." На это другие им отвечали: "Вы невнимательно читали "Майн кампф", там все это уже было". Когда вспоминаешь, как много чистых душой, нравственно цельных людей было среди первых марксистов, социал-демократов первого поколения, то невольно задаешься вопросом: "Неужели они не понимали, к чему приведет на деле процесс классовой борьбы и следование лозунгу "грабь награбленное"? Да хотя бы выполнение на практике этого 4-го пункта программы?". Невнимательно читали. Торопились. Не вчитывались. Не вдумывались.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального

банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

Монополия кредита и вообще финансовых операций в коммунистических странах уж куда как исключительная. Вот только хорошо ли это? Начавшиеся разговоры о том, что финансовая система в стране построена, что нужна определенная автономность банков, нужна конкуренция между ними, — все это ставит под сомнение даже этот пункт "генерального проекта". Хотя в сравнении с остальными он может считаться самым благоразумным.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

Централизовали стопроцентно, Карл Фридрихович! (Хотя Вы вместе с Фридрихом Карловичем неоднократно нас убеждали, что государство после пролетарской революции потихоньку отомрет. В чьих же руках тогда останутся банки, транспорт и прочие "централизованные штуки"? Загадка гениев.) Теперь вот не знаем, как от этой централизации избавиться. Транспорт — любой! — работает из рук вон плохо. И все в один голос утверждают, что без конкуренции на транспорте, как "внутривидовой", так и "межвидовой", дела не исправить. Дошло до предложений обслуживать внутренние авиалинии наряду с "Аэрофлотом" также и зарубежными авиакомпаниями. В целях повышения производительности труда и качественного обслуживания. Экономические плоды сверхцентрализации. Но других и быть не могло.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

Направление "революционной перестройки" как раз обратное: "Как бы уменьшить число государственных фабрик и орудий производства?". И это один из практических аспектов ответа на вопрос "Нужен ли Маркс перестройке?". А что касается улучшения земли, то ее за полвека так "улучшили" "по общему плану", что сельскохозяйственные специалисты в стране буквально кричат от ужаса. И этот крик, громче или тише, слышен из всех коммунисти-

ческих стран, отовсюду, где происходило "улучшение земель по общему плану".

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

Простите, если учреждение промышленных армий — обязательное мероприятие после пролетарской революции, то почему мы сегодня дружно мечем громы и молнии на голову Троцкого — вдохновителя "трудовых армий" в годы военного коммунизма? "За что Иудушку вы Троцкого? Ведь он ни в чем не виноват!". За что обливаем презрением теоретика "армейской экономики" Преображенского? Наоборот, идейные коммунисты должны были бы обвинить руководителей правящих компартий в отступлении от генерального плана. Почему не созданы промышленные армии всюду, а ограничиваются, в лучшем случае, лишь взводами и ротами? Не тот размах, не та централизация! Да и уклоняющихся от обязательного труда, тунеядцев, наказывают далеко не всех и не самым убедительным образом. Непорядок...

Читая подобные перлы, не можешь не поражаться: как могли люди, ни уха, ни рыла не смыслящие в сельском хозяйстве (кроме того, что "идиотизм крестьянской жизни" им активно не нравился), решать за кабинетным столом планетарные проблемы земледелия? С помощью трудовых армий, полков, дивизий. Можно предположить, что Основоположники в детстве не наигрались в оловянных солдатиков и сублимировали за письменным столом, разрабатывая генеральный план сражения с буржуазией...

"В особенности для земледелия" — пожалуй, больше всего выдает уровень непонимания Основоположниками жизненных реалий, степень утопичности их вероучения. Из всех массовых профессий труд крестьянина — наиболее творческий, индивидуализированный и законченно цельный. Он менее всего поддается бездумной дисциплине, дроблению на операции, смене незаинтересованных исполнителей. Внедрить силой все эти армейско-конвейерные прелести можно. Что невозможно, так это получить при этом непрерывно растущую производительность и высокое качество продукции.

Нужно честно признать, что на практике ни одна коммунистическая страна не доходила до буквального следования "генеральному проекту". Ближе всего к экономике "промышленных армий" приближались две: Россия в ленинские времена военного коммунизма и Камбоджа Пол Пота. Даже в период маоистской "культурной революции" в Китае или при непоколебимом последователе Ленина-Сталина Энвере Ходже в Албании до "трудовых армий" все же не доходило. В том числе и в земледелии. Побеждали землю максимум ротами и батальонами, то бишь колхозами и коммунарами. Так ведь китайские роты и отступили вовремя. По крайней мере до того, как начать рыскать по всем заокеевским амбарам. А у нас, в России, они все еще на походном марше. Все еще надеются водрузить красные знамена над всей пахотной землей. Если бы еще знамена варить можно было...

С легкой руки академика Т. И. Заславской из одной "перестроечной" статьи в другую кочует написанная Марксом фраза: "Идея неизменно посрамляла себя, как только она отрывалась от интереса". По какому поводу, где и в каком контексте фраза сказана — никто не знает. Татьяна Ивановна не сообщила, а искать, видимо, лень (автору — тоже лень). Но если это — искреннее мнение Основоположников, то "Коммунистический манифест" должен был бы быть посрамлен еще в момент написания. Ибо какой же интерес может быть у привлеченного к обязательному труду солдата промышленной армии? Безземельного, безлошадного, безмашинного, а потом, как оказалось, еще беспаспортного и бесправного? Интерес, чтобы капитан роты быстрее получил трудовую медаль, а командующий армией надел маршальскую форму? Хорош интерес! Так что же мы на Сталина обижаемся, что он назвал всех "винтиками"? Винтик или солдат промышленной армии — какая, в сущности, разница? Почему же Сталина отлучать от марксизма? Так и тянет спросить у нынешней антисталинской прессы (напоминающей "Посев" 1940–1950-х годов): "За что ж вы Йоську-то Кровавого? Ведь он ни в чем не виноват!".

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности (в последующих изданиях исправлено на "различия" А. Ю.) между городом и деревней.

Стирание различий между городом и деревней — эта марксистская формула уже набилась оскомину. Но вот что интересно. Там, где страны не пошли марксистским путем, — там, действительно, различия постепенно стираются. Научно-техническая революция XX века приблизилась жизнь фермера к городской в плане цивилизации и комфорта, оставив ее при этом более здоровой, экологически и медицински. В странах же, пошедших по марксистско-ленинскому пути, эти различия тоже постепенно устранялись, но несколько иначе. Например, российские крестьяне сейчас едут в город за продуктами и плечом к плечу с горожанами стоят там в очередях. А горожане в составе промышленных (студенческих, ученических) отрядов едут в село на уборочную. 9-й пункт генерального плана успешно выполняется.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д. и т. д.

Под двойным "И. Т. Д." Основоположники понимали, конечно, не реабилитированную ныне индивидуально-трудовую деятельность. Лишь со временем выяснилось, в какие многочисленные социально-общественные нюансы трансформировались эти "и т. д.", не оговоренные генеральным проектом. Так ведь всего и не учесть...

Качество "общественного и бесплатного" (особенно в приютах, интернатах, детских домах, лагерных "детских зонах") сейчас обсуждается в советской прессе. Слабонервные читательницы падают в обморок. Справедливости ради нужно сказать, что даже идейные коммунисты уже давно не рассматривают такое "общественное и бесплатное" в качестве магистрального пути в рай. Предсказанное Основоположниками отмирание семьи и семейного воспитания детей пролетарии всего мира, объединенные и по отдельности, постарались поскорее забыть, как дурной сон. Как вроде бы такого пред-

начертания и не было. Тоже кое-что говорит о качестве Генпроекта. А что касается детского труда "в современной его форме", то каждому времени соответствует своя форма. В СССР уже многие годы — это активное участие детей в сельскохозяйственных армиях (читай, например, о детском труде на хлопковых плантациях Узбекистана). Когда припечет, формы находятся, и какие разнообразные!

*

Такие вот десять основных пунктов по строительству Светлого Будущего Всего Человечества. Понять, почему эта утопичная и недодуманная программа была взята на вооружение миллионами людей, зачастую неглупых и хорошо образованных, — сегодняшним умом невозможно. Тут действуют какие-то непонятные флюиды времени. Впрочем, слишком

долго они действуют... Но сегодня-то, в свете "нового мышления" можно же, наконец, дать истинную оценку принципиальным положениям этого Генерального проекта? Как же браться перестраивать здание, не затрагивая его проект? Не внося туда кардинальных изменений? Не меняя, не укрепляя фундамент?

Если Геннадий Лисичкин на самом деле считает, что Маркс и марксизм нужны перестройке, то предлагаю провести следующий эксперимент. Пусть он соберет своих друзей и единомышленников и зачитает им все десять "конструктивных положений" "Коммунистического манифеста". Вслух и с выражением. Дальше можно без обсуждений. Когда внутреннее мнение каждого выразится одной фразой (говорят, уже есть такие компьютеры), то ответ на поставленный вопрос "Нужен ли Маркс перестройке?" наверняка будет единодушным — "Как телеге пятое колесо!"

Кто захватит "власть, валяющуюся на улице"?

Оставаясь в рамках образа "власти, валяющейся на улице", ответить на поставленный вопрос просто: тот, кто проживает на данной улице или попадет на нее в подходящий момент. Один претендент уже имеется налицо — это бунтующая молодежь, ведущая "гражданскую войну" на многих улицах нашей страны.

За последние два-три года молодежное движение такого рода стало в СССР бурно развиваться. На него не сразу обратили внимание. Толчком послужили события в Казани, поэтому поначалу за этим явлением закрепилось название "казанского феномена". Это движение стало быстро развиваться по всей стране и к осени прошлого года захватило ряд городов: Москву, Ленинград, Тулу, Липецк, Ульяновск, Сочи, Йошкар-Олу, Моршанск, Джезказган, Дзержинск, Воркуту, Комсомольск-на-Амуре и др.

В связи с этим "Литературная газета"¹ созвала совещание с участием ученых, юристов, сотрудников прокуратуры и милиции для обсуждения вопроса о "войне" молодежных группировок, ве-

дущейся почти по всей территории страны. Кто же с кем воюет?

Это, в основном, подростки в возрасте от 14 до 18 лет, но также малыши, начиная с восьмилетнего возраста, и взрослые парни, порой отцы семей, то есть послеармейская молодежь. Большинство из них выходцы из рабочих семей, учащиеся ПТУ, жители окраин и микрорайонов.

Эти группировки нельзя отнести к "неформалам" (то есть досуговым по интересам), или даже к тем, которые известны под названием хиппи, панков, фанатов и т. п. Последние относительно безобидны, хотя и между ними порой происходят столкновения. От остальной молодежи они отличаются своей внешностью, привлекающей внимание и вызывающей раздражение. При появлении милиции они, однако, не идут на столкновение, а без сопротивления мирно расходятся.

Иное дело группы, о которых пойдет речь. Они не отличаются внешне от остальной молодежи, хотя тоже носят

причудливые названия: "хлебники", "гуроны", "орлы", "офицеры", "серые волки", "гопники", "пентагон" и т. п. Эти группы ведут себя агрессивно и вступают в рукопашный бой не только со своими соперниками, но и с милицией. Наводят они страх и на мирное население. В результате сражений "на поле брани" остаются раненные и убитые. Захваченных же милицией товарищи пытаются освободить силой.

Вот примеры, рисующие характер и размах операций:

В Москве, на Арбате:

"Столкнулись две группировки подростков - московская и подмосковная. Вмешательство милиции привело к тому, что враждующие группировки, соединившись, блокировали 5-е отделение милиции, куда было доставлено несколько юных хулиганов. На разгон толпы были брошены курсанты высшей школы милиции. Лишь в пятом часу утра удалось навести порядок".

Близ Воркуты 13 декабря прошлого года в районе ДК железнодорожников нарядами милиции была пресечена драка молодежи поселка Северный. Участвовало около 200 человек. При появлении милицеских машин не разбегались (как бывало раньше), а при задержании зачинщиков вырывали их из рук милиции. Затем организованной "стенкой" пошли на милицию.

А вот вдалеке от Воркуты, в Джекзгане 20 апреля прошлого года

"...произошла драка с применением огнестрельного оружия. В результате пять подростков получили ранения".

В Казани "гопники" объявили о своем намерении контролировать жизнь города. Был провозглашен месячник любви под лозунгом "Сделаем Казань городом без девочек". Улицы вечером пустели. В школах, даже в младших классах, учителя настойчиво рекомендовали встречать своих дочерей после школы.

В Алапаевске в ночь с 13 на 14 августа имело место трагическое происшествие, отмеченное в "Известиях" большой статьей от 11 сентября 1988 года: А. Пашков "Свой-чужие". В эту ночь алапаевцы отмечали годовщину основания города. Был обещан фейерверк, который по каким-то причинам не со-

стоялся. Это вызвало раздражение молодежи. Разъяренная толпа двинулась к квартире председателя горисполкома с криками: "Пора менять власти!", "Колбасы нет, водки нет, шоколада нет!" "Ш-о-к-ол-а-д-а!" - скандировали малыши. Началось кровопролитное сражение. Было ранено несколько милиционеров и выстрелом из милицеского пистолета был убит один молодой парень.

В заключение приведем сухую сводку по Казани Прокуратуры СССР.

"В 1986-1987 годах в Казани совершено 181 групповое нарушение общественного порядка, в том числе 51 групповая драка, в которой участвовали свыше 900 человек. Шесть человек погибли, 73 - госпитализированы с серьезными травмами, 193 получили телесные повреждения. С осени прошлого года обстановка резко обострилась. В драках стали использоваться ножи, тяжелые металлические шары, обрезки арматуры, кастеты, самодельные взрывные устройства. В результате уже за четыре месяца этого года в драках погибли шесть молодых людей, то есть столько же, сколько за два предыдущих года".

*

Как же образуются такие группы? Молодежь трех-четырех смежных домов объединяется в "коробки", из этих "коробок" образуются "кусты", а из них формируются группировки, состоящие из детворы ("шелуха", "горох", "скорлупа") и из взрослых школьников ("суперов"), вооруженных армейскими ремнями, палками, цепями, металлическими шарами, обрезками арматуры, самодельными взрывчатыми устройствами, иногда и огнестрельным оружием.

Эти группы оперируют на подконтрольной территории, на которую не допускают своих соперников, что приводит к частым стычкам "на границе". Эпизодически делают они вылазки и в центр города или на подступы к отделениям милиции. Группы отличаются жесткой иерархической структурой, строящейся только сверху вниз, и суровой дисциплиной. Во главе группы стоит лидер. Это люди более старшего возраста, чаще всего отбывшие военную службу. Они дер-

жат всех в своем полном подчинении. Они обучают ребят всем правилам конспирации и поведения на допросах. Они назначают место, день и час выступления, но ребята не всегда знают, ради чего их послали "под оружие".

Лидеры держат в руках и кассу группы. Это тысячи и десятки тысяч рублей. Деньги эти добываются разными путями: членские взносы (даже восьмилетние малыши платят 20–30 копеек), "налоги" с молодежи, не входящей в группу, а то и с имущих обывателей ("рэкет"):

"Деньги идут на помощь тем, кто попал в "зону", то есть на "общак", как они говорят; кто оказался раненым в схватках... Сейчас все больше и больше приобретают популярность целевые сборы на похороны".

"Похороны эти обычно очень пышные, с множеством венков, огромная толпа ребят... На одних из последних похорон подъехал на новенькой "Ладе" лидер группировки и на глазах у всех передал матери убитого подростка толстый пакет с деньгами. Это получилось очень эффектно: вот, смотрите, мы думаем о вас при жизни, мы не забудем вас и после смерти".

Раньше подконтрольной была лишь уличная молодежь района, а сейчас наметилась тенденция брать под

"контроль и находящиеся на территории все молодежные социальные институты: школы, ПТУ, техникумы. Жестокая жизнь улицы продолжается уже в стенах учебного заведения".

Поэтому у подростков лишь два выхода – или войти в группировку или подвергнуться наказанию, хотя можно и откупиться единовременным взносом до 250 рублей.

Борьба с этим преступным явлением крайне затруднительна, так как в силу конспирации выявить главарей удается очень редко. Они держатся в тени и не принимают участия в стычках. Что же касается выявления непосредственных виновников избиений, увечий и убийств, то и это затруднительно, так как на допросах они молчат из страха наказания со стороны своих или мести со стороны противников.

Вот, например, задержанный на вопрос, кто его избил, отвечает:

"ничего говорить не буду, пишите - упал с вертолета! Так и записали! Не может же до такой степени быть запуган молодежью народ!.."

*

Масштабы этой преступной деятельности растут с каждым месяцем – территориально, по количеству включенной молодежи, по вооружению (группировки создают свои склады оружия) и по располагаемому ими капиталу в миллионы рублей. Это наводит на предположение о связи лидеров группировок с номенклатурной мафией. Этот тип молодежного движения начинает приобретать социально опасное значение. Поэтому естественно, что участники совещания задумались над специфическим характером и корнями этого явления.

Оно перестает быть чем-то стихийным и становится все более и более организованным. В случае малолетних это скорее ребяческая, хотя порой жестокая бравада, игра в "казаки-разбойники" или в "войну". Среди старших ребят это, может быть, и протест в стиле Робин Гуда, хотя едва ли им известна английская баллада XV века. В столкновениях с милицией они создают себе лавры борцов за "Дело" и гордятся тем, что попали в "зону" или "общак"*.

Иное дело взрослые организаторы, остающиеся в тени лидеры. Их жестокость далеко не ребяческая. Они не останавливаются перед жертвами, несомыми молодежью, и бесстыдно эксплуатируют ее стремление к подвигу, к проявлению смелости, к товарищеской спайке. Высокие идеалы им чужды. Они стремятся к власти и наживе. Если же говорить об их "идеологии", то она сродни большевистской, памятной лозунгами: "разрушим до основания", "война дворцам" и "грабь награбленное". За последствия переворота, осуществленного под этими лозунгами, нашей стране приходится расплачиваться и по сей день.

Размышляя о корнях "казанского феномена", участники совещания пришли к выводу, что бунт молодежи вызван всей

* Лагерь и тюрьма.

обстановкой, создавшейся в стране. Таков результат провалов не только в экономике, но и в постановке школьной учебы и воспитания, в социальной политике и т. д.

"Ведь последние десятилетия мы жили в условиях узаконенного вранья, - говорит один из участников, - и эта ложь, к сожалению, существует и на четвертом году перестройки".

Но дело еще хуже. Писатель М. Антонов говорит:

*"Болея сама страна, болен народ, разрушена его душа, подорваны нравственные устои народа"*².

Именно в этом широком контексте и следует рассматривать то, что происходит в среде молодежи.

Локальные столкновения молодежи с милицией и стоящая за кулисами этих столкновений мафия, так сказать, "нижнего этажа" - это лишь эпизоды, в известной мере сходные с аналогичными явлениями, наблюдаемыми на Западе. Там, однако, полиция сравнительно легко справляется с провокационными действиями вооруженных хулиганов, хотя их участие в массовых демонстрациях приводит порой к серьезным бесчинствам и к необходимости применения слезоточивых газов, а в крайних случаях и оружия. Но крупные происшествия этого рода не приводили до сих пор к сколько-нибудь значительной дестабилизации демократических режимов.

Иное дело СССР. Там наблюдается быстро усиливающаяся поляризация политических и общественных сил и борьба между теми, кто защищает "старый режим", и теми, кто стремится провести необходимые радикальные реформы. Страна как бы расколота на два враждующих лагеря, причем этот раскол проходит через все общество и все структуры от самого верха до самого низа: через партию, госаппарат, освобождающуюся от гнета цензуры общественность, то есть через все население. Различные позиции отчуждают отца от сына, мужа от жены, брата от брата. Над страной нависает угроза гражданской, братоубийственной войны. На этот разлад накладывается и с ним перекрещивается взрыв национальных антагонизмов, что еще больше усугубляет противоречия и осложняет обстановку.

В этой предгрозовой атмосфере даже малая искра может вызвать большой пожар.

Армия пока молчит³, но если она выступит, то на чьей стороне? И не выступят ли тогда воинские части КГБ на стороне противоположной?

В. П о р е ж с к и й

1. Юрий Шекочихин, "Экстремальная модель". "Литературная газета", № 41, 12 декабря 1988 г.

2. Из выступления М. Антонова на пленуме правления СП РСФСР. "Литературная Россия", 30 декабря 1988 г.

3. Выступая на "круглом столе" ученых и военных, А. Нуйкин сказал: "Пропасть между аппаратчиками и рядовыми коммунистами, бюрократией и народом растет очень быстро, не исключено, что армии придется говорить свое слово, делать свой выбор. Каким он будет - это не может нас не волновать". "Армия и общество", журнал "Век XX и мир", № 9, 1988 г.

ДАВАТЦ В., ЛЬВОВ Н.

Русская армия на чужбине

1985, 124 с.

28 нм

В переизданной фотоспособом книге (вышедшей в 1923 году в Белграде) участники событий описывают обстоятельства эвакуации Белой армии из Крыма в 1920 году, пребывание массы военнослужащих и беженцев в лагерях (1920-1923), заботы генерала Врангеля и его сподвижников о поддержании порядка и о планомерном расселении первой волны российской эмиграции по европейским странам.

МОНДИЧ Михаил

СМЕРШ

1984, 2-е изд., 216 с.

26 нм

1945 год. Советская армия „освобождает“ Европу. За нею следует СМЕРШ - „Смерть Шпионам!“, организация НКВД, специально созданная для истребления „врагов народа“.

РЖЕВСКИЙ Леонид

Пожалуй, самый известный писатель эмиграции военного времени. Известный литературовед и критик.

Две строчки времени. Повесть

1976, тверд. переплет, 192 с.

21 нм

Увлекательное художественное описание глубокой, безответной любви немолодого писателя к юной девушке - типичной представительнице современной неудовлетворенной молодежи, без веры и идеалов.

Творец и подвиг

1972, 168 с.

14 нм

РЕФЕРЕНДУМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Андрей ОКУЛОВ

Статья печатается в дискуссионном порядке. В ней использованы результаты работы, проделанной Рабочей группой по национальному вопросу на молодежном семинаре НТС в августе 1988 г.

Крымские татары, Карабах, Прибалтика... Как только наметилось пробуждение огромной многонациональной страны от политической спячки, из всего сложного комплекса нерешенных проблем ярче и тревожнее всего обозначился национальный вопрос.

Насколько точно это определение? Если бы речь шла только о взаимоотношениях Центра и республик, самого многочисленного народа в СССР — русского, с остальными национальностями, то оно было бы вполне правомочным. Но в Карабахском конфликте столкнулись интересы Армении и Азербайджана, маленький народ гагаузы требует автономии в Молдавии, среди поволжских татар растет движение за возвращение им исторического имени — булгары, и так далее...

В нашей стране нет *одного* национального вопроса, есть *множество* национальных вопросов. И все ли их может разрешить аппарат центральной власти, даже если очередная комиссия съездит на кратковременную "экскурсию" в регион, где возник тот или иной конфликт на национальной почве? И что гарантирует объективность "экскурсантов" и их осведомленность о чаяниях населения и расстановке сил на данной территории?

Или, может быть, исходя из принципа суверенитета союзных республик, предоставить им право "разбираться между собой" и вершить судьбы проживающих в республиках национальных меньшинств?

На этот вопрос Карабахский кризис дал однозначный ответ — отрицательный.

Многие из национальных проблем нашей страны — порождение тоталитарного режима, иные достались в наследство от Российской империи, прочие

свойственны всем современным многонациональным государствам. Но разрешить необходимо все.

Подход в данном вопросе очень редко бывает объективным как у советских историков, публицистов и этнографов (не говоря уже о представителях власти), так и у западных и эмигрантских.

Если первых сдвигают пресловутые "рамки системы", то мнения вторых определяются политической конъюнктурой и укоренившимися в сознании различных общественных групп политическими штампами: "имперское сознание", "сепаратизм", "Единая и неделимая", "тюрьма народов" и т.п. Многих "неформальных" общественных деятелей в СССР, высказывавшихся по этой теме, мучает интеллигентский комплекс вины перед малыми народами и они невольно заходят дальше разумного в своих предложениях и требованиях, иные просто впадают в русофобию, смешивая понятия "русский" и "советский". Другие, пытаясь в своих суждениях опираться на опыт России до 1917 года, используют в спорах аргументы более чем семидесятилетней давности и опираются на идеализацию национальной политики России того времени.

Так неужели нет "золотой середины" между лозунгами "Сохранить империю любыми средствами" (а во что это обойдется самому русскому народу?) и "Каждому народу СССР — свое государство" (а их у нас в стране насчитывается не менее 130!)?

Демократия. Кто только, и с какими только прилагательными сегодня не использует это слово! Кто только не заявляет при каждом удобном случае: "народ хочет", "народ требует", "весь советский народ"... Все триста миллионов от Крыма до Камчатки? И все

хотят, требуют и борются за что-то одно?

Система социологических опросов населения на сегодняшний день в нашей стране развита еще очень слабо, право на референдум (плебисцит), торжественно провозглашенное в конституции, за семьдесят один год советской власти не было использовано *ни разу*, да и решение о проведении плебисцита может выносить только Верховный Совет, что он, несмотря на многочисленные требования армян во время карабахских событий, так и не сделал, предпочтя ввести в спорной области паллиативную "Особую форму управления".

Тем временем в остальном мире референдум как способ решения вопросов о спорных территориях и других жизненно важных проблем, затрагивающих интересы населенных представителями одной национальности отдельных областей, использовался не раз.

После Первой мировой войны так был решен вопрос об отходе от Германии и бывшей Австро-Венгрии ряда областей - плебисциты были проведены в Восточной и Западной Пруссии, в Верхней Силезии, в Шлезвиге, в Эйпене, в Мальмеди и в других областях. В 1957 году, после референдума, Франции пришлось вернуть Германии Саарскую область, несмотря на явную заинтересованность первой в оставлении этого района в своих руках. В 1947 году ООН хотела решить с помощью плебисцита судьбу спорной территории Кашмира (на которую претендовали Индия и Пакистан). Но так как из 4 миллионов населения Кашмира только 800 тысяч были индусы, Индия, предчувствуя поражение, саботировала референдум. Этот шаг привел к многочисленным военным конфликтам между двумя странами.

Но как быть, если территориальный спор разгорелся *внутри* государства? И что делать, если республика, не имеющая шансов выиграть плебисцит, последует примеру Индии в 1947 году?

Обоснований для отказа от референдума можно найти сколько угодно - от заявлений о необходимости соблюдения территориальной целостности до мобилизации отряда историков, которые с пачками пожелтевших документов в

руках докажут "исторические права" на спорную территорию. Вдобавок власти могут начать выселять лиц неугодной им национальности и заселять область "своими" - десяток лет, и плебисцит пройдет с "нужным" результатом.

Есть и другие слабые стороны у референдума: на один и тот же вопрос, но сформулированный в двух различных вариантах, один и тот же избиратель даст два противоположных ответа. Голосование по принципу "да" или "нет", "остаться" или "откалываться" приводит к насильственной поляризации общественного мнения. Ведь возможностей выхода из национального конфликта может быть несколько, избиратель имеет право на больший выбор.

Если плебисциту предшествовали серьезные столкновения и отношения между двумя народами, населяющими область, накалены до предела, "мгновенный" плебисцит может отразить моментальные настроения населения, которое уже на следующий день может раскаяться в своей поспешности, но референдум - слишком дорогое удовольствие, чтобы проводить его с частотой субботников.

Но если затянуть проведение референдума, власти, держащие спорную территорию под своим контролем, в промежуточный период обязательно используют время для затушевывания кампании конкурентов, нейтрализации опасных для них политических фигур, кампании нападок в контролируемой ими прессе и просто для организации беспорядков.

Какие условия необходимы для проведения референдума? Решение Верховного Совета? Республиканских или областных властей? Или все-таки - желание населения данной территории? Кто и как будет это желание выражать? Кто будет формулировать пункты, по которым предстоит проголосовать избирателю? А если, в случае обособления спорной территории, она окажется анклавом на земле другой республики?

Вопросов не счесть и дать на каждый из них исчерпывающий ответ заранее невозможно, многое может быть откорректировано лишь временем и опытом.

Можно только предложить на обсуждение свое мнение по ряду тех вопросов, которые касаются условий и методов

проведения референдума, не претендуя на "истину в последней инстанции".

Достаточные условия для проведения референдума

Для проведения референдума по вопросу о полном выходе из состава государства с целью присоединения к другому государству или создания собственного государства, а также о создании нового союзного государства на началах конфедерации, необходимы следующие условия:

1. Население данной территории не может составлять менее 100 тысяч человек.
2. В случае требования присоединения к другому государству данная территория должна иметь с ним общие границы.

Для проведения референдума по вопросам изменения статуса той или иной территории внутри страны достаточно, чтобы данная территория насчитывала 50 тысяч человек населения, которое отличается по своим языку и культуре от населения граничащих с ней областей или от населения республики, в составе которой в настоящий момент находится данная территория.

Требование проведения референдума должно передаваться непосредственно центральным властям, минуя республиканские.

Референдум может проводиться как по инициативе центральных и республиканских властей, так и по инициативе снизу. Для этого необходимо, чтобы инициативная группа, поднявшая вопрос о референдуме, собрала под соответствующей петицией в центральные органы власти достаточное количество подписей — не менее 5% населения территорий*.

После выполнения этого условия задачей центральной власти является организация и проведение референдума, кото-

рый может состояться не ранее чем через год после вручения петиции.

Кто имеет право участия в референдуме

Учитывая, что в последние годы благодаря усиленной миграции населения национальный состав многих республик и областей сильно изменился, а также ввиду того, что миграционная политика проводилась без учета мнения местных властей и населения, предлагается основными условиями для права участия в референдуме сделать: достижение голосующим 18-летнего возраста и доказательство его проживания на данной территории не менее 10 лет. В некоторых неформальных изданиях высказывались мысли о том, что условием нужно считать владение местным языком и что необходимый срок проживания нужно увеличить до 25 лет, (см. "Посев" № 9, статья Р. Евдокимова "Российская государственность"), но насколько подобные условия демократичны — ведь проверять уровень знания местного языка затруднительно, а что касается срока проживания, то в большинстве стран Свободного мира иностранец может получить гражданство, прожив в стране менее 10 лет (в США, например, — 5 лет).

Проведение референдума

После вынесения решения центральными властями о проведении референдума территория, на которой он будет проводиться, передается под прямой контроль центра сроком на один год. Вся власть в данном регионе переходит к Временному совету, который обязан следить за тем, что бы во время подготовительной кампании население имело возможность выслушать все заинтересованные стороны перед принятием столь важного решения.

В целях обеспечения большей возможности выбора и нахождения решения, приемлемого для большинства населения, предлагается проводить референдум в два тура.

*Указанные выше цифры — условные. Необходимую квоту можно выработать при тщательном анализе плотности и национального состава областей и районов страны.

Первый тур

Первый тур референдума должен проводиться не по всей данной территории сразу, а по областям (если речь идет о республике) и по районам (если речь идет о меньшей территории). Это продиктовано тем, что национальный состав населения в различных областях тех или иных республик — неоднороден, и выявляя волю населения на всей территории, нельзя ущемлять права жителей тех ее регионов, население которых отличается по своему национальному составу от населения всей республики (области).

Избирательный бюллетень первого тура должен содержать более двух пунктов, которые должны вырабатываться Временным советом, причем последний обязан включить в бюллетень предложения значительных групп (партий), выражающих чаяния заинтересованных сторон. За год подготовительного периода Временный совет обязан предоставить страницы местной прессы для освещения предложений различных групп и партий и обсуждения подготовки пунктов референдума.

Когда пункты будут сформулированы и утверждены Временным советом, последний должен создать необходимое количество избирательных комиссий, в которые должны быть включены как представители различных общественных групп данной территории, так и наблюдатели от ООН.

После оглашения результатов первого тура, Временный совет должен приступить к подготовке второго тура референдума, который может быть проведен за более короткий срок.

Второй тур

На второй тур референдума должно быть вынесено только два пункта из общего списка первого тура, набравшие наибольшее количество голосов. Решение второго тура нужно считать окончательным, после чего Временный совет должен будет передать власть органам местной власти, если они не оказались затронутыми результатами референдума, или вновь созданным.

Те области, в которых результаты второго тура оказались отличными от общих, остаются под контролем Временного совета вплоть до решения их судьбы путем переговоров.

*

С этими предложениями могут не согласиться как сепаратисты — ведь после референдума по областям Украина может остаться без Крыма, а Казахстан — без северных областей, так и сторонники "сохранения империи любой ценой", которым может померещиться развал России на сотню государств, тысяч по пятьдесят населения в каждом. Но между полным отделением и полной ассимиляцией есть десятки промежуточных вариантов. Можно спорить о том, должна ли будущая Россия быть союзным государством или союзом государств, но почему одна республика не может оставаться в составе государства на федеративных, а другая — на конфедеративных началах? Конечно, если за это проголосует большинство ее населения.

В связи с переименованием города Жданова в Мариуполь городские власти жаловались, что подобное мероприятие обходится городскому бюджету в миллионы рублей. А во что обойдется создание нового государства?

Эстонцы, вспоминая относительно зажиточную жизнь в межвоенное двадцатилетие, когда Эстония была аграрной страной, жалуются на навязанную им Москвой индустриализацию, принесшую с собой экологические беды и мигрантов. Во многом они правы, но если мечты о независимости осуществляются, эстонцам придется платить за привозимое из России сырье по международным стандартам, а в случае переориентации на сельское хозяйство (заводы разберут, а землю — распашут?) им стоит вспомнить о "масляных горах" и забытых зернохранилищах в Западной Европе. С кем будет Эстония конкурировать?

Но с другой стороны, стоит ли сильно "делать их счастливыми", тем паче, что счастье свое они видят иначе? Развитые европейские страны отказались от колоний не потому, что не в силах были справиться с национально-освобо-

дительными движениями, а из-за того, что содержание колоний дорого обходилось метрополиям. Полезно вспомнить, что уровень жизни в Европейской России на сегодняшний день гораздо ниже, чем в большинстве республик; это тоже одна из причин столь нелюбимой прибалтами миграции.

Единого решения здесь нет, как нет и одного национального вопроса.

Но единый подход к решению национальных вопросов возможен: тот, который ориентирован не на отвлеченные теории и мертвую идеологию, а на выявление воли населения.

● ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Библиотека лефортовского изолятора

М. МАЛИНИН

Историки говорят, что библиотечная традиция в российских тюрьмах зародилась в эпоху царствования Александра I. Тогда высочайше повелевалось использовать книги для воспитания осужденных. Царское указание основывалось на рекомендации Джона Говарда, английского просветителя-пенитенциариста, объездившего российские тюрьмы и представившего царю доклад, в котором обосновывались преимущества книжного воспитания в духовно ограниченном тюремном мире.

Идея просвещения заключенных вскоре пустила глубокие корни. "Чтение, - писал А. С. Пушкин, - вот лучшее учение". Из мест распространения литературы места заключения постепенно превратились в своеобразные "рабочие кабинеты". Ф. М. Достоевский, с разрешения начальства тюремной больницы, работал над "Записками из Мертвого дома". Высланный в Якутскую область за отказ присягнуть на верность новому императору В. Г. Короленко в пересыльных тюрьмах писал и читал соседям по камере отрывки из своей новой книги "История моего современника". В Петропавловской крепости написан роман Н. Г. Чернышевского "Что делать?", в Доме предварительного заключения в Петербурге "Развитие капитализма в России" В.И. Ульянова.

Преобладавшая ранее в библиотечных собраниях религиозная литература уступила место естественно-научным и обще-

ственно-политическим изданиям. Народно-вольцы Вера Фигнер, Бух и другие отмечают хороший подбор книг в библиотеке Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Из писем Акимовой известно, что заключенный в Трубецкой бастион Николай Бауман имел в камере личный экземпляр "Капитала" К. Маркса. Эта книга поступала по заказам в Шлиссельбургскую крепость, ею пользовались узники Вышневолоцкой тюрьмы. Случалось, что в тюремную библиотеку попадали книги, запрещенные цензурой. Их передавали с воли, маскируя в обложке какой-либо разрешенной книги. Доступность (в том числе запрещенных) книг и возможность самостоятельной работы объяснялась двумя обстоятельствами.

Первая и главная причина - относительно мягкий режим в дореволюционных тюрьмах. Зачастую осужденные к каторжным работам таковых по существу не выполняли. Н. Г. Чернышевский, приговоренный к каторжным работам, ни одного дня не трудился под надзором. В одной из наиболее жестких по условиям содержания Шлиссельбургской пересыльно-каторжной тюрьмы (за исключением эпизодических работ в четырех крохотных мастерских, созданных по инициативе осужденных, - переплетной, столярной, сапожной и кузнечной) никакого каторжного труда не было. Для того, чтобы хоть как-то компенсировать нехватку физического труда, заключен-

ные этой тюрьмы сажали цветы, которые затем вывозились на продажу в Петербург.

Во-вторых, русская общественность активно интересовалась жизнью обездоленных слоев общества, а правительство не скрывало от народа своей политики. Обвинительные акты и судебные приговоры публиковались в открытой печати, губернские и центральные издания печатали материалы, в которых обсуждались вопросы условий тюремного заключения. Министерство внутренних дел, а с 1895 года и министерство юстиции, публиковали отчеты о работе Главного тюремного управления, печатали сборники циркуляров и инструкций...

*

После октябрьского переворота культурная жизнь в тюрьмах заметно ослабевает и постепенно сходит на нет. Места заключения становятся рентабельными экономическими производствами с массовым применением принудительного труда, а само физическое выживание узников ставится в зависимость от выполнения ими производственной нормы. Политический и духовный террор распространяется и на литературу. Тюремные библиотеки подвергаются еще более строгой цензуре, чем массовые библиотеки на воле.

Даже в послесталинское время существовал негласный запрет на медицинскую литературу. Встречались, по-видимому, местные ограничения на юридические издания, повсеместный запрет на религиозные.

Поделюсь фактами из своего личного опыта.

Из мордовского политлагеря ЖХ-385/3-5 в 1983 году я послал запрос на уголовный кодекс Латвийской ССР и получил ответ из рижского книжного магазина "Книга-почтой", который расположен на улице Квилис, 15. Оттуда отвечали, что магазин не высылает юридические издания без специального разрешения начальника лагеря. В лагерной библиотеке уголовного и процессуального кодексов не числилось. Из редакции газеты "Книжное обозрение" тогда же мне сообщили: "На Ваш запрос

отвечаем, что популярная юридическая литература пользуется значительным спросом, рассылается во все книжные магазины страны и реализуется, в основном, по заявкам заинтересованных организаций, в магазины "Книга-почтой" не поступает, а если и бывает, то в очень ограниченном количестве. Корр. отдела писем К. Богуславская".

Судя по положению с юридической литературой в лагере, места лишения свободы в разряд "заинтересованных организаций" не попадали. Я это почувствовал, находясь еще в Лефортовском следственном изоляторе КГБ СССР в Москве.

Здесь в контингенте заключенных преобладали подсудимые. Поэтому потребность в справочной литературе в целях защиты от обвинения была велика, а юридической литературы в библиотеке не значилось. На четыре тюремных этажа приходилось не более одного-двух стареньких уголовных кодексов десяти-пятнадцатилетней давности с безнадежно устаревшим текстом и столько же процессуальных, тоже старых, хранившихся не в библиотеке, а в тумбочках у надзирателей-контролеров. Бывало, принимая заказ, вертухай отвечал, что "книги нет", или приносил-таки справочник к утру следующего дня, или уже другой контролер отвечал, что "ничего не знает", и тогда надо было возобновлять заказ и снова ждать.

По этому случаю я обратился за информацией к администрации. Принявший меня прокурор по надзору Захаров на вопрос о том, нет ли возможности улучшить положение с правом обвиняемого на защиту, в частности, обеспечением необходимыми кодексами и комментариями, то ли в шутку, то ли всерьез ответил, что дома он готовится к выступлению в московском суде по процессуальному кодексу Киргизской ССР за неимением российского. Когда я спросил его, не считает ли он, что формально такой подход к судопроизводству не соответствует требованиям закона, Захаров ответил, что не видит принципиальной разницы в республиканских законодательствах.

После ареста в кабинете следователя у меня отобрали комментарий к УК

РСФСР и выдали его обратно только по окончании следствия.

Библиотека лефортовского изолятора вместо каталога имела опись, состоявшую из двух брошюр. Брошюры были зеленого цвета и один раз в две недели, по понедельникам, они подавались в камеру через дверное окно. Когда библиотекарь уходил в отпуск или болел, библиотека не работала.

Отдельной должности библиотекаря в лефортовском СИЗО скорее всего не было. В течение недели, кроме понедельника, прапорщик, приносящий книги, выполнял обязанности обыкновенного вертухая: подглядывал в дверной глазок, водил в баню и на допрос, принимал заявления. (Для сравнения, в ленинградском изоляторе КГБ функции библиотекаря выполняла врач, на 36-й пермской политзоне начальство держало одну единицу вольнонаемного персонала, в мордовском лагере для выдачи книг привлекался заключенный.) Выбрать книгу по библиотечной описи было не так-то просто. Для этого требовалось перелистать опись целиком, так как никакого порядка в описи не было. К тому же названия книг часто искажались и повторялись. Политической литературы в описи не было. Сочинения Ленина, Маркса и деятелей КПСС отсутствовали. Во время моего нахождения в Лефортово, продлившегося восемь месяцев, опись с марксистско-ленинской литературой в камере ни разу не появлялась. По-видимому, Маркса и Ленина и начальство, и обвиняемые уже давно здесь всерьез не принимали, и руководство тюрьмы решило, что не стоит совать людям книги, которые они все равно не читают. Лучшую демонстрацию критики партийно-политической идеологии трудно было и придумать.¹

*

В основном книжном списке, по моим подсчетам, значилось примерно четыре тысячи наименований. Наиболее полно было представлено творчество В. В. Мая-

¹ На мордовской политзоне, и в других лагерях, так же, как на свободе, марксистско-ленинская литература на библиотечных книжных полках занимала самое видное место.

ковского - почти все тома тринадцатитомного собрания сочинений. Попадалось несколько разрозненных томов из полного собрания сочинений Льва Толстого, выпущенного до революции Товариществом Сытина в Москве, - книг четыре-пять, из которых тюремной цензурой были изъяты отдельные статьи и названия их вымараны в оглавлениях черной краской. Встречались книги 30-х годов издательства "Academia", отдельные тома из семитомного собрания сочинений П. Н. Ткачева, выпущенного издательством существовавшего в 20-30-е годы Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, книги из серии "Жизнь замечательных людей", издание "Фауста" Гете в двух томах, вышедшее тоже в тридцатые годы. "История Рима" Моммзена числилась, но не выдавалась, так как была утеряна. Из военной литературы можно было заказать послевоенные юбилейные издания 40-х годов о Суворове и Кутузове и переводную (начала 50-х годов) книгу подполковника американской армии Ригга "Боевая подготовка войск" о военных действиях в условиях атомной войны, сильно устаревшую.

Среди философских изданий по книжной описи я нашел всего лишь два: сочинение Ксенофонта Афинского "Размышления о Сократе" и "Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума" Жана Кондорсе. По последней книге, находясь в лефортовском изоляторе, я написал статью "Истина Жана Кондорсе" и посвятил ее обвинявшемуся в антисоветской агитации и пропаганде Вадиму Анатольевичу Янкову, отбывавшему предварительное заключение в той же тюрьме. Но для систематических, профессиональных занятий подбор книг был явно случайным и недостаточным. Книги были собраны как попало. Ходили слухи, что они попадали в Лефортово вслед за своими владельцами, в числе вещей, конфискованных по приговору суда.

После прочтения нескольких книг интерес к библиотеке пропадал. Чтение превращалось в механическое занятие. Читали для того, чтобы хоть как-то убить время. Во всех семи камерах лефортовского изолятора, в которых пришлось сидеть, я наблюдал одну и ту же карти-

ну: книгами начинали пользоваться, чтобы посмеяться над их содержанием. Заказывали, например, Маяковского и громко читали вслух: "Моя милиция меня бережет!" А бывшая милиция московского метрополитена, грабившая и убивавшая пассажиров, охранялась в соседних камерах в ожидании суда. Помнится, как в сборнике Рудольфа Бершадского "Из разных книг", выпущенном в 1964 году в издательстве "Советский писатель", кто-то из соседей по камере отыскал рассказ под названием: "История, рассказанная мне Аркадием Гайдаром". Рассказ был о том, как зимой 1940-41 годов известный к тому времени детский писатель попал в гебистскую тюрьму по подозрению в терроризме. Инцидент закончился для Гайдара благополучно. Но обстоятельства его тюремного заключения и повадки вертухаев во многом совпадали с обстановкой в лефортовском изоляторе КГБ 80-х годов.

Идея коммунистического воспитания, высказанная Лениным, - "коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество", - на примере лефортовской библиотеки материализовалась весьма своеобразно. Она означала, что "классиков" читать не нужно, работать с книгами в рамках избранной гражданской профессии необязательно, достаточно одного процесса чтения. Коммунистическое воспитание реально выглядело как постепенное забвение богатств человеческой культуры.

Литературная работа в Лефортово из-за постоянных обысков и изъятия написанного была практически невозможна. Помню, как находившийся со мной в одной камере Борис Анатольевич Максимов, инженер по профессии, обвинявшийся в клевете на советский строй, узнав, что принято решение считать его сумасшедшим и направить на принудительное лечение в психбольницу, писал в Академию наук предложения в области электротехники, сопровождая письма схемами и чертежами. Он опасался, что в результате "лечения" потеряет свою личность.

Писать что-либо вообще считалось вредным и опасным. После очередного обыска заявления и письма легко могли

быть приобщены к так называемому "уголовному делу" и служить дополнительным материалом для обвинения, что и случилось с Е. М. Анцуповым в харьковском изоляторе. Шутка в стихотворной форме цензурой тоже изымалась. На обыске у меня забрали стихотворение "Лефортово", которое начиналось так:

Закончив следствие успешно,
Недели за две с небольшим,
Тюрьме - вот умысел-то грешный! -
Мы пару строчек посвятим.
Казалось, нет греха большого
Писать про здешнюю тюрьму,
Хвалить начальника иного,
Честь отдавать его уму.
Но тут другой изъян таился,
К нему случайно я пришел:
К стихам еще не приобщился
Официальный протокол.

Объяснений по поводу конфискации стихов не последовало, но, к счастью, обошлось без осложнений.

*

В давно прошедшие времена политические арестанты царских тюрем пользовались куда большей свободой для интеллектуальных занятий. Считалось общепризнанным, что физическая тяжесть наказания предопределяется отсутствием у заключенного интеллектуальной свободы, которой не должен лишаться политический узник. По отношению к советским исправительно-трудовым учреждениям умственный труд остается неосуществленной мечтой заключенного.

Если, начиная с 60-х годов прошлого века, страницы журналов были заполнены описаниями арестантами их тюремного быта, а по "Правилам о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов" от 16 апреля 1904 года они имели и формальное право заниматься умственным трудом, то лишь с недавнего времени, последние год-полтора, изредка мы читаем в советской прессе письма одиноких представителей многомиллионной армии советских заключенных о том, насколько ужасными и невыносимыми для жизни, настоящими рассадниками преступности являются нынешние места лишения свободы. Лишения свободы в физическом и духовном смысле слова.

Представляется самоочевидным, что прекращение административного произвола невозможно без отделения физического наказания от несправедливого в своей основе наказания духовного. В частности, необходимо открыть широкий доступ литературы в места заключения,

уравнять в правах заключенных с читателями на свободе, разрешить всем узникам получать книги по системе межбиблиотечного абонемена, положить конец незаконному применению принудительного физического труда.

● РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Русская православная Церковь после юбилея

Прот. К. ФОТИЕВ

В своей статье "Рождение свободы" церковный историк Г. П. Федотов, умерший в эмиграции в 1951 г., — после многолетнего молчания о нем вспомнил В. Топоров, написавший о нем прекрасную, объективную статью в московском журнале "Наше наследие"¹, — назвал свободу совести, принцип невмешательства государственных властей в религиозную жизнь граждан "поздним и хрупким цветком культуры". Нет нужды доказывать, что этот "цветок" был в СССР безжалостно растоптан сразу же после ленинского переворота, хотя конституция 1918 г. еще обеспечивала равные права атеистам и верующим; лишь наследники Ленина низвели свободу верующих граждан до разрешения совершать культовые действия в закрытых помещениях. О желательности нового закона о свободе совести заговорили лишь в эпоху "гласности, перестройки и ускорения" (ГПУ, как острят в Москве).

Пока в печати появился лишь один из возможных вариантов проекта нового закона — статья Ю. А. Розенбаума "К разработке проекта закона СССР о свободе совести"². Автор статьи, ведущий научный сотрудник Института государства и права АН СССР, доктор юридических наук, заслуженный юрист РСФСР, в течение долгих лет, еще со времен Хрущева, был одним из юрисконсультов Совета по делам религий при Совмине СССР. Второй вариант проекта,

очевидно, был вручен представителям всех зарегистрированных в Советском Союзе вероисповеданий во время их встречи с К. М. Харчевым, состоявшейся 14 февраля этого года в помещении Совета по делам религий. Этот второй документ до сих пор в советской печати полностью опубликован не был — о его содержании можно судить лишь по отзывам западных журналистов. Сотрудник исследовательского отдела лондонского "Кестон колледжа" д-р. Джон Андерсон разбирает на страницах бюллетеня "Кестон колледжа" от 2 марта этого года оба проекта; следуя его методу, обозначим первый документ именем Розенбаума, а второй — СДР (Совет по делам религий).

Оба проекта, как отмечает Андерсон, отличаются друг от друга и по стилю, и по юридической терминологии: Розенбаум пишет, как опытный юрист, в то время как версия СДР, насколько можно судить по цитатам, приводимым Андерсоном, во многом носит расплывчатый характер, допускающий, быть может преднамеренно, различные толкования.

В обоих проектах мы видим стремление истолковать свободу совести достаточно широко — речь идет уже не о "праве совершать религиозные обряды или вести атеистическую пропаганду" (статья 52 советской конституции 1977 г.), а о "распространении религиозных или атеистических взглядов" (СДР) или "об осу-

ществлении религиозного или атеистического воспитания" (Розенбаум). В этой связи Розенбаум отмечает, что статья 52 конституции должна быть подвергнута критике ввиду того, что она не обеспечивает равных прав верующих и атеистов, и напоминает, что конституции 1918 и 1924 гг. разрешали "свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды".

В обоих вариантах проекта мы находим указание на то, что дискриминация по отношению к гражданам на основании их религиозных убеждений недопустима и что возбуждение гражданских или уголовных дел за религиозные убеждения запрещается.

Оба проекта предусматривают признание за религиозными организациями прав юридического лица, отнятых у них декретом 1918 г. и лишь частично возвращенных им в позднейших, оставшихся неопубликованными, нормативных актах³ ("большинство из них носило закрытый характер" – Розенбаум). Сейчас, по крайней мере в изложении Розенбаума, подход к этому вопросу станет иным. "Образованные в установленном законом порядке религиозные организации в соответствии с уставными целями деятельности пользуются правами юридического лица, в том числе правом владеть собственностью, необходимой для удовлетворения религиозных потребностей граждан" (Розенбаум, статья 6-ая.) И далее в тексте той же статьи: "Религиозные организации как объединения граждан могут принимать участие в социально-культурной жизни общества в соответствии с общим законодательством, регулирующим деятельность общественных объединений граждан СССР".

Но уже в комментарии к статье 6-ой Ю. А. Розенбаум с прискорбием отмечает, что "единого законодательства, регулирующего деятельность общественных объединений, в СССР пока нет". Как бы в утешение он добавляет: "Как известно (откуда? – К. Ф.), работа по подготовке такого акта ведется". Остается, очевидно, даже в эпоху "перестройки" терпеливо дожидаться того дня, когда "работа по подготовке такого акта" будет доведена до конца.

Оба варианта проекта расходятся также в вопросе о регистрации религиозных организаций и религиозных обществ. В варианте СДР все религиозные институты – вплоть до Патриархии – именуются "религиозными организациями", понятие "религиозное общество" относится лишь к приходским единицам. Статья 8-ая (СДР) говорит о юридическом признании монастырей и духовных школ.

На приходском уровне "религиозные организации" создаются группами верующих, состоящими как минимум из десяти совершеннолетних граждан. Заявление о регистрации они подают в местные советы, обязанные ответить на такое заявление в месячный срок. Если местные советы отказывают группе верующих в регистрации, она может обратиться "в государственные органы СССР по делам религий" (СДР, статьи 10-ая и 11-ая). В проекте Розенбаума речь идет о регистрации не "религиозных объединений", а их устава, и автор проекта считает желательным, чтобы образец такого устава вошел в закон о свободе совести в качестве официального приложения. Очевидно, что и в дальнейшем речь будет идти о *разрешении* на создание "религиозного общества", а не о простом признании факта его возникновения с последующей автоматической регистрацией. По проекту СДР последняя инстанция, в которую могут обратиться верующие, – Совет по делам религий; при этом остается неясным, о каком Совете идет речь, – областном, республиканском или всесоюзном. Лишь Розенбаум (статья 16-ая) предлагает предоставить верующим право обращаться, в случае отказа в регистрации, в гражданский суд.

Оба варианта проекта предусматривают меры контроля, относящиеся к проведению в жизнь нового закона о свободе совести. Розенбаум выдвигает предложение, что такой контроль должен осуществляться местными советами и судебными инстанциями, но одновременно считает желательным передать эти контрольные функции "Государственному комитету по делам религий", подчиненному непосредственно Верховному Совету СССР. Проект СДР говорит о контроле в очень общих выражениях, называя органом та-

кого контроля "государственные учреждения по делам религий".

Не отличаются ясностью и те выражения, которыми пользуются оба проекта, говоря о религиозном образовании. Согласно проекту СДР (статья 3-я) "родители или замещающие их лица имеют право обеспечивать своим детям религиозное и моральное воспитание в соответствии со своими убеждениями", а в статье 7-й того же проекта сказано, что "граждане могут преподавать или изучать религию частным образом - индивидуально или совместно с другими, в частных домах или религиозных обществах". Проект Розенбаума повторяет такую формулировку, но там подчеркивается, что создание церковных школ, с преподаванием других предметов кроме вероучения, не допускается. Если это предложение войдет в новый закон о свободе совести, это будет положительным явлением, во всяком случае по сравнению с законами 1929 и 1975 гг., согласно которым лишь родители могут обучать своих детей религии, причем в частном порядке: групповое обучение, будь то детей или взрослых, этими законами запрещено.

Согласно проекту СДР религиозные обряды могут совершаться в частных домах, что доселе было строго запрещено, а также в госпиталях, старческих домах и местах заключения - при условии согласия на это со стороны администрации. Показательно, что решающим должно быть разрешение администрации, а не пожелание пациентов, престарелых и заключенных.

В проекте СДР остается неясным, распространяется ли разрешение на совершение религиозных обрядов на те общины, которым в регистрации отказано (грекокатолики), или которые сами не желают регистрироваться ("истинно-православные христиане", баптисты-"инициативники")? К вышесказанному Розенбаум добавляет (статья 19-я), что детям должно быть разрешено принимать участие в религиозных обрядах, но что для детей старше десяти лет необходимо их согласие на это.

В последней статье СДР мы находим указание на то, что, если отдельные положения о свободе совести окажутся в противоречии с текстом международных

соглашений, ратифицированных правительством СССР, в закон о свободе совести должны быть внесены соответствующие изменения.

Заключительные статьи проекта Розенбаума (20-22) говорят о "праве на атеистические убеждения и атеистическое воспитание" - иначе, по мнению Розенбаума, "закон будет односторонним". Атеистические организации граждан должны действовать "на основании и в порядке, установленном общим положением об общественных объединениях в СССР". Но ведь сам Розенбаум выше с прискорбием признает, что таких положений, имеющих силу закона, до сих пор в СССР нет, они лишь "разрабатываются". Говоря о деятельности атеистов, Розенбаум оставляет без ответа основной вопрос - будет ли и после принятия закона о свободе совести атеистическая пропаганда финансироваться государством из народных средств, то есть за счет тех поступлений, которые вносят в государственную казну как неверующие, так и верующие граждане страны? В таком случае закон, пользуясь выражением Ю. А. Розенбаума, воистину "будет односторонним". Верующие и не ждут никакой помощи от государства: если им развяжут руки, они сами восстановят насильственно отнятые у них и поруганные святыни - их жертвенность в доказательствах не нуждается. А много ли найдется атеистов, готовых взять на себя финансовые обязательства ради процветания "атеистического воспитания"?

От зыбких законопроектов перейдем к тому, как реально протекает жизнь верующих в СССР после того, как отошли в прошлое празднования юбилея Тысячелетия крещения Киевской Руси.

Чем дальше идет "перестройка", тем очевиднее становится ее двусмысленность. Частичные уступки по отношению к Церкви и верующим направлены прежде всего на то, чтобы убедить верующую часть населения, которой не коснулись всеобщее разложение и цинизм, в необходимости честно работать - может быть, они помогут спасти экономику страны от окончательной катастрофы? А Запад, столь чувствительный к вопросу о судьбе верующих в СССР, должен "уверовать в перестройку" и не скупиться на

кредиты в твердой валюте. Уже маячит на горизонте очередной лозунг: "партия, народ и верующие – едины в своей преданности перестройке". Но, как отметил на Поместном Соборе летом 1988 года митрополит Ювеналий, "далее Москвы перестройка не идет". (Ниже я привожу примеры такого "произвола при перестройке".) Но даже и на верхах власть имущие не отреклись и не собираются отречься от атеизма как основы своей идеологии и пропаганду атеизма ведут и в "эпоху перестройки" везде – в первую очередь в школе. И никакой закон о свободе совести ничего в этом не изменит. Отцу Александру Меню удастся продолжать свои беседы со старшеклассниками, но в провинции об этом и думать не приходится.

На этом фоне особенно соблазнительна проводимая церковными иерархами пропаганда патриотизма. Мы находим ее почти в каждом выступлении иерархов, в каждом обращении. Это какой-то культ "земного отечества", граничащий с идолопоклонством. Каждому человеку естественно любить свой народ, свою землю, но христиане должны помнить, что они в первую очередь граждане не земного града, образ которого проходит, а своей небесной Отчизны – ее, только ее следует писать с прописной буквы!

Пропаганда патриотизма и "перестройки" породила такое чудовищное явление, как выдвижение в "народные депутаты СССР" патриарха Московского и всея Руси Пимена в ряду "других церковных деятелей". О том, что он будет баллотироваться, Патриарх сообщил в интервью еженедельнику "Новое время" – об этом поспешила оповестить мировую общественность телеграмма ТАСС от 10 марта. Кандидатура патриарха Пимена была выдвинута, как мы узнаем из интервью, советским "Комитетом защиты мира". Это – бесстыдная манипуляция старцем, настолько немощным, что он, в первый раз за много лет, не служил в Елоховском патриаршем соборе на праздник Рождества Христова 6/7 января 1989 года. Вместо патриарха возглавил службу в соборе митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). Кроме того, если предстоящие выборы не

очередной фарс, а настоящее голосование (а именно в этом силится убедить мировое общественное мнение советские средства массовой информации), то каждый кандидат должен считаться с возможностью, что он будет забаллотирован. Только такого позора не хватало старшему Патриарху! Но советский "Комитет защиты мира" выдвинул его кандидатуру и Патриарху пришлось согласиться на участие в подобном фарсе!

Нужно сказать со всей недвусмысленностью, что "миротворчество", которому священноначалие Русской Православной Церкви вынуждено уделять столько времени и средств, предельно соблазнительно. Увы, это не исполнение завета Христова. – для этого нужно быть нелицеприятным. – а пропаганда пацифизма в нужном советскому правительству духе и направлении. Те, кто девять лет молчал о несправедливой войне в Афганистане, которую чем дальше, тем больше осуждают уже в далеких от Церкви кругах, утратили моральное право выступать в роли "миротворцев". Сколько гневных обличений было высказано иерархами Церкви против США, когда американцы пытались отстоять от коммунистического владычества народ Вьетнама! А было ли сказано хоть одно слово о том, что наступило в этой несчастной стране после ухода американцев? Осудили ли хоть одним словом тот поголовный террор, который обрушился на эту страну и, в первую очередь, на христиан Вьетнама? Пропаганда пацифизма нанесла и продолжает наносить священноначалию Русской Православной Церкви большой моральный ущерб. Тягостно думать о пышных банкетах, на которых угощают всяких заезжих "миротворцев". Христианство аскетично по самой своей природе. Следует помнить о Сыне Человеческом, не имевшем, по Его собственным словам, "места, где преклонить главу". Можем ли мы представить себе Сионскую горницу в качестве банкетного зала? И стол в ней ломился от изысканных яств! Поменьше банкетов, не нужно "шикарных монастырей" – как, по словам З. А. Крахмальниковой, назвал "переданный" Церкви Данилов монастырь в Москве заглянувший туда провинциальный священник.

"Дальше Москвы перестройка не идет..." Но и в самой Москве с начала "перестройки" верующим был возвращен пока лишь один приходской храм – св. Архистратига Михаила в Тропареве, на юго-западе столицы. Построенный триста лет назад в стиле южно-русского барокко храм сейчас в плачевном состоянии – искаженное железо крыши, обугленные двумя пожарами пустые выщербленные стены, под потолком неон вместо лампад³. Реставрация займет два года, но, тем не менее, митрополит Владимир, управляющий делами Московской Патриархии, 23 февраля этого года заново освятил этот храм, единственный на три района города. Горсовет Москвы неоднократно отвергал ходатайство верующих о возвращении им храма св. Архистратига Михаила, аргументируя, в частности, тем, что в этом районе много учебных заведений и если храм будет открыт, учащиеся начнут его посещать. Рассуждения, достойные "эпохи застоя"; казалось бы, сегодня следует предоставить людям право решать самим, посещать храм или не посещать. Добившись возвращения им храма, верующие вернули иконы и даже царские врата одного из приделов, спрятанные ими пятьдесят лет тому назад, когда храм был насильственно закрыт.

В журнале "Наше наследие"⁴ помещена обширная статья Вадима Борисова "Оптина пустынь". Автор – историк Русской Церкви, один из авторов сборника "Изпод глыб", совместно с Е. Б. Пастернаком написавший комментарий к новомировской публикации "Доктора Живаго", подробно рассказывает об истории этой прославленной обители, о ее знаменитых старцах, о посещавших монастырь деятелях русской культуры. Статья Борисова заканчивается словами: "Сейчас развалины монастыря переданы Русской Православной Церкви. Нет сомнения, что самоотверженными усилиями верующих его внешний облик будет восстановлен. Но перед новыми насельниками стоит куда более трудная задача – возродить дух, который некогда жил в этих стенах".

Пока в Оптиной пустыни открыт для богослужений лишь один храм – Введения

Пресвятой Богородицы; из трех приделов освящены пока лишь два. Из всех скитских помещений пока возвращена монастырю лишь бывшая келья старца Амвросия, причисленного к лику святых на поместном Соборе в июне прошлого года. Рядом с Введенским храмом – гробницы старцев Льва и Макария. Другие надгробия монастырского кладбища местные жители растащили под фундаменты для своих домов. Братии в настоящее время семнадцать человек. Обитель именуется ставропигиальной и причислена к Свято-Даниловскому монастырю в Москве.

Основанная старцем Амвросием Шамординская женская обитель находится в сорока пяти километрах от Оптиной пустыни. Обитель давно закрыта. Но там живет одна монахиня – матушка Анна: она пытается сохранить от окончательного разрушения то, что еще осталось от монастыря.

По подсчетам Всемирного Совета Церквей в Женеве у Московской Патриархии в настоящее время двадцать четыре монастыря. Для сравнения приведем данные из отчета Святейшего Синода за 1914 год. К этому времени у Русской Церкви было 1025 монастырей, монашествующих было 94 629 человек. При монастырях было 234 больницы и 169 домов для престарелых.

В выходящем в Париже журнале "Вестник РХД"⁵ помещен обзор о праздновании 1000-летия крещения Руси в Сибири. Статья написана в Советском Союзе – вероятно, для какого-нибудь официального издания, хотя в "Журнале Московской Патриархии" она напечатана не была. Очерк написан в безмятежно-умильном тоне – увы, как отмечает редакция "Вестника РХД", во время юбилейных торжеств ни разу не вспомнили о миллионах заключенных, погибших в бесчисленных лагерях и похороненных в сибирской земле "без креста и панихиды". У ветшающих стен давно закрытых монастырей и отнятых у верующих храмов совершались молебны, выступал с духовными концертами омский архиерейский хор. Но о действительном положении православной Церкви в Сибири красноречиво рассказал на Поместном Соборе 1988 года архиепископ Омский и Тюменский Феодосий. "В Сибири, – сказал владыка Феодосий, – всегда была Духовная семи-

нария, поддержите же мою усердную просьбу к Священному Синоду открыть для Омско-Тюменской епархии если не семинарию, то хотя бы курсы... Омско-Тюменская епархия такова, что в ней 126 приходов евангельских христиан-баптистов, 80 приходов лютеран и тринадцать православных храмов. Судите сами".

Украинский католический центр печати в Риме сообщил 2 марта с. г., что власти СССР передали Украинскому Экзархату Русской Православной Церкви 430 храмов, бывших доселе закрытыми. Согласно этому сообщению примерно три четверти этих храмов до 1946 года принадлежали Украинской католической Церкви византийского обряда; ходатайства представителей этой Церкви о регистрации не удовлетворены и в "эпоху перестройки". Если это сообщение подтвердится, это будет еще одним указанием на то, сколь двусмысленна "перестройка" в области обещанной, но столь еще далекой свободы совести.

Примечания

1. "Наше наследие", № 4, 1988 г.
2. "Советское государство и право", № 2 1989 г.
3. "Московские новости", № 10 от 5.3.1989 г.
4. "Наше наследие", № 4, 1988 г.
5. "Вестник РХД", № 154, Париж, ИМКА-Пресс.

ОТ РЕДАКЦИИ

В независимом журнале "Референдум" № 29 помещена заметка Глеба Анищенко (одного из редакторов религиозно-философского журнала "Выбор"), посвященная открытию храма Архангела Михаила в Тропареве. Эта заметка содержит ряд интересных фактических данных, дополняющих статью прот. К. Фотиева. Так, "двадцатка" была создана по инициативе издателя журнала "Выбор" - Виктора Аксючица, и борьба за открытие храма велась при поддержке этого журнала. Добившись открытия храма, "двадцатка", однако, оказалась не у дел. В заметке Г. Анищенко мы читаем следующее:

"Храм Архистратига Михаила был отдан не той 'двадцатке', которая добилась его открытия, - ему предоставили статус подворья хозяйственного управления Московской Патриархии, а такой статус вообще не предусматривает организации 'двадцатки'.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: 'двадцатка' добилась открытия храма, но сама осталась без регистрации. Ход, принятый властями, можно понять. По нынешнему церковному Уставу 'двадцатка' является юридическим лицом и может действовать на правах любой другой общественной организации. Не всех, по-видимому, устраивала перспектива

создания 'двадцатки', ядро которой составляли бы деятели независимых движений. (По стечению обстоятельств юго-западная часть Москвы оказалась центром независимой печати. Там живут Лев Тимофеев - 'Референдум', Петр Старчик - 'Экспресс-Хроника', Виктор Аксючиц и Глеб Анищенко - 'Выбор', находится редакция 'Гласности'.) Совет по делам религий не скрывал своей позиции. На наш звонок туда по вопросу о регистрации был получен такой ответ: 'Если вы - верующие, то должны радоваться открытию храма, молиться в нем и не рассчитывать заниматься там какими-то другими вещами'".

Издатели "Выбора" добились встречи с председателем Совета по делам религий и на вопрос, "почему в нарушение закона 'двадцатка' все-таки не была зарегистрирована", получили уклончивый ответ:

"Харчев сказал, что Совет счел себя не вправе препятствовать хозяйственному управлению Патриархии иметь свой приход. Нашей же 'двадцатке' Харчев мог посоветовать только добиваться открытия другого храма, скажем, в Конькове".

Этот ответ отражает суть лукавства современной политики в отношении Церкви - сдерживать церковно-общественную деятельность приходов в дозволенных властями рамках. Камнем преткновения останется и впредь то, о чем пишет в этой заметке Глеб Анищенко:

"Для нас, православных, главным в храме является таинство и молитва. Но, как это ни удивит чиновника Совета, мы хотим заниматься и 'какими-то другими вещами': благотворительной деятельностью, организацией христианского издательства, воскресных школ, кооперативов и т. д. Для этого нам нужна 'двадцатка', которая выступала бы как юридическое лицо".

РОСС Николай

Врангель в Крыму

1982, карм. форм., 368 с.

32 нм

Историческое исследование по архивам ген. Врангеля. Описание попытки создать в 1920 году национальное русское государство на Юге России. Богатая документация, множество фотографий, карта.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр

Рассказы

1976, тверд. худ. переплет, 372 с.

26 нм

В окончательной редакции автора: Один день Ивана Денисовича. Случай на станции Кречетовка. Матренин двор. Для пользы дела. Захар Капота. Крохотки. Правая кисть. Пасхальный крестный ход.

В круге первом (Первый вариант)

В двух томах, 806 с.

30 нм

Пьесы. Статьи. Рассказы.

270 с.

12 нм

"Дело Солженицына"

1973, тверд. переплет

с золот. тиснением, 662 с.

22 нм

"ПУШКИНОВЕДЫ"

Н. ТОЛСТЫХ

То, о чем я хочу рассказать, происходило в октябре 1985 года в следственном изоляторе Ленинградского УКГБ, где я, с небольшим перерывом на экспертизу в институте Сербского, находился уже восьмой месяц. Следствие по моим расчетам шло к концу и, вроде бы, никаких сюрпризов не ожидалось... Но вдруг на одном из допросов, после каких-то ничего не значивших фраз, следователь подошел к моему привинченному к полу небольшому столику у самой двери (кто их не помнит, эти "столики"), и, внимательно глядя на меня, с наигранным трагизмом в голосе спросил:

- Ну, а теперь, Николай Григорьевич, расскажите, как вы вступили в контакт с представителями НТС.

Я уже привык к таким внезапным переходам во время допросов, со временем научился владеть собой и не слишком обращать внимание на всякие провокационные вопросы. Поэтому, даже не удивившись, я иронически ответил:

- Ну почему же НТС? Давайте уж сразу ЦРУ...

Но следователь был серьезен и суров.

- Ваша ирония неуместна, - сказал он. - У меня в столе неоспоримые доказательства вашей преступной связи с этой антисоветской организацией. И мне бы очень хотелось, для вашей же пользы, чтобы вы сами все рассказали и помогли тем самому себе...

Я был несколько озадачен. Честно сказать, ничего подобного не ожидал. Дело в том, что действительно никаких "связей" с НТС у меня не было. Откуда же вдруг всплыло такое? Кто-то из свидетелей наболтал со страху? Или опять "на пушку" берут? Но держится следователь необычно уверенно, словно действительно имеет какие-то данные... Ну, что ж, в таком случае линия поведения предельно ясна - требовать предоставления доказательств, чтобы понять

самому, в чем же дело, а там видно будет, что дальше...

Я пожал плечами.

- Ну, если у вас в столе все уже лежит, то мне и говорить нечего. Сами все знаете.

- Значит, вы отказываетесь отвечать на вопрос?

- Отказываюсь.

- Тогда я задаю следующий вопрос: Каким образом вы передали для опубликования в антисоветский журнал "Посев" свою статью, направленную против политики партии и правительства СССР?

- Я не буду больше отвечать ни на один подобный вопрос, пока мне не предъявят конкретный материал. Мне неизвестно, о чем идет речь.

Следователь понимающе закивал головой.

- Предъявим, предъявим. Все-таки упорствуете? Жаль, жаль...

С этими словами он подошел к своему столу, открыл его и таким жестом провинциального факира, выуживающего из шляпы кролика, достал журнал. Снова подошел ко мне и, улыбаясь, положил его передо мной. Квартальный "Посев" № 3 за 1980 год, - прочел я про себя и вопросительно поднял голову.

- Открывайте, открывайте, - подбадривающе сказал следователь.

- Да нет уж, открывайте вы, если хотите что-то показать и чем-то удивить.

Он и тут согласно кивнул головой и неторопливо перелистнув сколько-то страниц, открыл передо мной небольшую статью под рубрикой "Письмо из России", которая называлась так: "1980-й ничего хорошего не принесет..." Она была подписана "Н". Под подписью стояла дата - январь 80-го, и место - Ленинград. И все.

Меня стал разбирать смех. "Что, очень нужно анонима найти, разоблачить? Эх бедолаги, как неуклюже вы ловите."

- Что скажете, Николай Григорьевич? - победно глядя на меня, спросил следователь.

- А что сказать? Хорошо написана, я бы под ней подписался. Да вот беда - не приучен к плагиату. Да и своего вроде хватает, не так ли?

- Да уж хватает, не сомневайтесь. Только ведь и эта статья - ваша.

Ну что тут скажешь. Он вроде бы решил серьезно мне ее "припаять". Вот ведь дурацкий случай. Очень неловко доказывать ГБ-никам, что ты не верблюд. Да и стоит ли вообще с ними говорить? Я выяснил все, что меня интересовало, все оказалось "туфтой", а остальное пусть их волнует.

- Прошу записать в протокол: статья не моя, и это все, что я могу заявить по этому поводу. Дальнейшие вопросы останутся без ответа.

- Ну зачем так спешить, зачем? Подумайте, есть еще время.

Я молчал. Он демонстративно вздохнул, опять подошел к своему столу и вытащил из него тонкую пачку бумаги.

- Николай Григорьевич, вам предъявляется заключение автороведческой экспертизы по поводу установления вашего авторства. Ознакомьтесь.

И я стал "ознакамливаться". По сей день помню ощущение удивления и гадливости... Впрочем, по порядку.

Предваряло экспертизу письмо, подшитое к листкам бумаги:

"В следственный отдел УКГБ от зам. начальника оперативного подразделения УКГБ Лен. обл.

В журнале "Посев" за 1980 год № 3 обнаружена статья "1980-й ничего хорошего не принесет...". Ряд признаков указывает на то, что автором этой статьи является Толстых. А именно:

1. В журнале указано, что автором статьи является ленинградец. Толстых - житель города Ленинграда.

2. Статья подписана "Н." Имя Толстых - Николай.

3. Статья датирована январем 1980-го.

Одна из изъятых при обыске у Толстых статей, подписанная его фамилией, датирована ноябрем 1980-го.

4. В статье затронуты темы, сходные с рассматриваемыми в статьях "Кому выгодно?" и "Иллюзия и реальность", принадлежащих Толстых."

Далее следовала просьба направить данный материал на компетентную автороведческую экспертизу.

Надо прямо сказать, что темы в моих статьях были довольно далеки от той, что мне приписывалась. Но и топорность ГБ-ных "идентификаций" и их заключение о том, что "темы схожи", меня не удивили. У них "схоже" все, что попадает под статью семидесятую. Так что, чего уж там удивляться... Но вот дальше...

Дальше передо мной лежало заключение экспертов отнюдь не аппарата ГБ и не Горлита, а - ни много ни мало - знаменитого "Пушкинского Дома". Того самого, благодаря усилиям сотрудников которого мы имели возможность наслаждаться наиболее полным собранием Достоевского, с чудесным библиографическим и литературоведческим материалом, а также десяти томником Пушкина, семи томником Гоголя с "Выбранными местами из переписки..." и так далее. Всегда, когда мне приходилось со своей Петроградской переезжать через мост Строителей на Пушкинскую площадь, я с уважением лицезрел открывающееся моему взору величественное здание с колоннами на малой Невке. "Институт Русской Литературы" - "Пушкинский Дом".

И вот - заключение. Заключение, сделанное по заказу "органов" сотрудниками этого святилища. Печально, стыдно. Русская литература...

Я позволю себе увековечить имена этих "экспертов". Сразу прибавлю, что если с таким же успехом определяют они авторство великих, скажем, того же Пушкина или других, то я бы на пушечный выстрел не подпустил их больше к такому делу. Потому как ведь даже меня, недостойного, признали они автором того, чего никогда автором я не был. Итак, эксперты:

1. Старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР, доктор филологических наук Моисеева Г. Н. Год рождения - 1922.

Стаж работы – 37 лет. (Стало быть, начала она свои занятия литературой в тот самый памятный 1948-й, когда товарищ Жданов в Ленинграде, по поводу журналов "Звезда" и "Ленинград" заклеил позором... ну и т. д.)

2. Старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР, кандидат филологических наук Мещеряков В. П. Год рождения – 1937. Стаж работы – 25 лет.

По заключению этих умудренных опытом, с многолетним стажем сотрудников, однозначно выходило: автор напечатанной в "Посеве" статьи – Толстых. Не "может быть" или "не исключено", а четко, ясно и твердо – он и никто другой. И баста. Причем доказывалось это так, например:

"В работе, представленной на экспертизу, и в работах, принадлежащих Толстых, следующие совпадения:

Частое употребление вопросительных предложений.

Употребление многоточий в предложениях.

Начало предложений с союза "А".

Наличие предложений, в которых опускается местоимение "то".

Частое употребление вместо наречия "уже" наречия "уж".

Убийственные доводы, не правда ли? Только ведь по этим же самым признакам мне бы можно было (да простит меня Александр Исаевич) и "Архипелаг" приписать.

Ну, а в конце, вспомнив, очевидно, что они "Академия Наук", выдали вот такой перл: "В образцах письменной речи Толстых обращает на себя внимание приверженность автора к инверсионному и громоздкому построению фразы, имеющее место в стиле раннего Достоевского."

Ну, спасибо. Пропадать, так, как говорится, в хорошей компании.

Я подумал, что коль скоро помнят эти "эксперты" раннего Достоевского, то ведь, наверно, наслышаны и про его "Семеновский плац" и "Мертвый Дом"? И вообще, хоть чуть-чуть представляют себе, что больше всего презирала всегда российская писательская братия? Хотя и среди них Фаддей Булгарин был...

Вот с таким заключением и ознакомился я в октябре 1985-го. Дальше уже

неинтересно. Конечно, ничего не признал... к великому огорчению следователя, ведь так хотелось еще одно "темное пятно" высветить бдительным органам. Не получилось. И "пушкиноведы" не помогли. Помните, у Мандельштама: "Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов..." Уходя с допроса, я бормотал эти стихи под нос...

Сейчас, по прошествии трех лет, я с надеждой обращаюсь к моему земляку "Н.". Авось услышит. А может, тоже судьба сюда закинула? Землячок, – говорю я ему, – не взял я греха на душу, не берем чужого, так что – как был ты автором, так и остался. А ведь мог бы, – как в том анекдоте про Ленина, – мог бы и... Ведь шутка ли – сам "Пушкинский Дом" подтвердил. Но, землячок, с тебя пол-литра, твоего не убыло.

Проф. С. Г. ПУШКАРЕВ

Роль Православной Церкви в истории России

1985, 128 с.

28 нм

В книге фотоспособом воспроизведены труды русского историка, профессора С. Г. Пушкарева, изданные им в Чехословакии мирного времени: „Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности“ (1938) и „Свято-Троицкая Сергиева лавра“ (1928). В первой части излагается история и деяния Русской Православной Церкви с X века до революции. Во второй – житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского, история и деятельность основанного им Троице-Сергиева монастыря (с 1744 года Троице-Сергиевой лавры). Книга особенно важна к 1000-летию Крещения Руси (988–1988).

Самоуправление и свобода в России

1985, 176 с.

20 нм

Известный русский историк описывает и анализирует развитие различных форм народного самоуправления в рамках и условиях свободы, существовавшей в ту или иную эпоху дореволюционного времени: в древней Руси, в Московском государстве XVI-XVII веков, в период империи. Далее излагаются взаимоотношения свободного самоуправления с революционными процессами и решениями вплоть до крушения нормального правопорядка и разгула антинародной большевистской диктатуры. Книга изобилует историческими и статистическими сведениями.

Фотокопируйте наиболее ценные, по Вашему мнению, статьи из "Посева" и посылайте их по почте в Россию на любые адреса.

Спасение России на путях нравственной и религиозной перестройки

Вольфганг КАЗАК

Горбачевская гласность пытается объяснить, как могла страна дойти до такого внушающего крайние опасения экономического, социального и нравственного состояния. Нововведенная свобода в публицистике привела к острым публичным столкновениям между различными группировками. За давние и недавние высказывания одним из объектов нападок стал писатель Владимир Солоухин, которому в мае 1989 года исполняется шестьдесят пять лет. Во Франкфурте-на-Майне вышла недавно его новая книга "Смех за левым плечом", посвященная той же больной тематике.*

Нападки

Напомним, что с именем Солоухина связано немало доброго. В шестидесятые годы Солоухин больше любого другого писателя потрудился над восстановлением славы "черных досок", как он называл иконы, раскрывая их религиозную, национальную и эстетическую ценность и с успехом противодействуя политике атеизма. Во всей своей литературной публицистике он с тех пор без устали снова и снова призывал к сохранению драгоценных памятников архитектуры прошлых столетий — храмов, монастырей и "дворянских гнезд". В своем написанном в 1967, но напечатанном только в 1987 году, рассказе он обнажил всю пустоту атеистических похорон и выступил в защиту традиционного русского православного отпевания покойников.

Владимир Солоухин происходит из крестьянской семьи. Тесная связь с природой, доверие к ней сказываются во всем его отношении к жизни.

* Владимир Солоухин. "Смех за левым плечом". Изд. "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1988.

Нападки на Солоухина объясняются прежде всего тем, что в годы грубого политического зажима он вел себя слишком приспособленчески. Он был среди тех, кто в 1958 году, согласно *сущему мнению* осудил Пастернака, а в 1949 году когда травили Павла Антокольского, был в Литературном институте одним из назначенных начальством обвинителей. Рассказывают, что Владимир Тендряков до конца своих дней не подавал ему руки за то, что Солоухин выступил против него на одном из типичных для того времени отвратительных "товарищеских судов". "Были тогда такие времена", — отвечает Солоухин на нападки. Его укоряют в первую очередь в том, что, и оглядываясь назад, он не хочет признать свою вину и определяет свое поведение как вынужденное. В своей новой книге он пишет только, что в его прежних работах есть доля "коллорабонализма и конформизма" (с. 160). Как представителю деревенской прозы шестидесятых и семидесятых годов ему приходится принимать сейчас резкие упреки в русском национализме и даже шовинизме. Это объединяет его с Распутиным, Беловым, Астафьевым, а также с Солженицыным, — группой писателей, служащей мишенью постоянных нападок.

Разорение крестьянства

Его новую книгу нужно читать без предубеждений. Тогда сразу обрадует тот факт, что ни конформизма, ни национализма в ней нет, но есть поиск корней собственных заблуждений, преодоление прошлого, утверждение личной ответственности и христианская настроенность. Откровенность, с которой Солоухин пишет о хозяйственных и человеческих судьбах русской деревни, столь велика, что книга пока что вышла только за рубежом. Но гласность шагает впе-

ред. Советское издание книги вместе с другими до сих пор неопубликованными произведениями Солоухина намечено на позднюю осень 1989 года.

*"В первые послереволюционные годы большевики, захватив власть в стране и дабы удержать эту власть, отняли у крестьян весь хлеб. Это называлось продовольственной политикой. Смысл ее заключался в том, чтобы сосредоточить весь хлеб в своих руках и, распределяя его по своему усмотрению, тем самым держать население в покорности. По всей стране начался голод." (с. 140)**

Эти факты были известны. Сегодня можно прочесть книги множества авторов об этих преступных мероприятиях и их катастрофических хозяйственных и нравственных последствиях. Солоухин дает почувствовать свое личное отношение и современный взгляд на них конца восьмидесятых годов. Как и многие другие "деревенщики", он с болью смотрит на брошенные деревни и вспоминает о прошлом:

"Когда я в последующие годы заходил в наш сад, когда я захожу в него и теперь (как и вообще, когда захожу теперь в любой среднерусский пейзаж и ландшафт), мне кажется, что я захожу в дом, в котором никто не живет, в храм, в котором перестали служить. Мне кажется, я вижу русло реки, по которому больше не течет вода, дно пруда, который весь пересох. Вино без крепости, еда без соли, лес без птиц, весна без цветов, человек без души, природа без одухотворенности"... (с. 41)

Талант Солоухина и здесь проявляется в лирическом подходе и в языковом выражении его публицистического замысла. Его образы символизируют итоги семидесяти лет советской власти на российской земле. Он рассказывает о своем деде, у которого был кустарный кирпичный заводик и воскобойня. Эти

"предприятия" были, согласно принципам социализма, экспроприированы у "эксплуататора" и закрыты. До сего дня там не производятся ни свечи, ни пригодный к употреблению кирпич.

Солоухин не упоминает, что политика Горбачева нацеливается на пробуждение личной инициативы. Но его опыт заставляет понять, как труден путь к спасению после десятилетий застоя. Руководство партии – Солоухин указывает на ответственность Ленина и Троцкого – планомерно уничтожало крестьянство.

"Нужно было свободных, инициативных российских крестьян превратить в безликую армию безземельных, послушных, а главное практически бесплатных рабов" (с. 161).

Последствиями уничтожения и выселения 15 миллионов (!) наиболее работающих, а следовательно, и экономически преуспевающих крестьян было с одной стороны "полное, холодное, мертвое равнодушие" (с. 74), с другой – ужасающая, безудержная, необъяснимая жестокость. Солоухин приводит примеры этих последствий в крестьянской жизни – безразличия и жестокости – и видит их причину в нравственном и религиозном разложении.

Автобиография

Книга – первая часть автобиографии. Она охватывает годы до поступления в школу. Из личных переживаний взяты лишь совсем немногие события, потрясшие его до глубины души. Так, он останавливается на религиозном воспитании, полученном от матери, от ее каждодневных молитв и наставлений, в то время как окружающие, включая старшего брата, толкали его к атеизму. Он передает читателю силу каждодневных материнских "разговоров с Богом, просьб, молений, восхвалений, благодарений" (с. 126).

Заглавие книги восходит к религиозным представлениям его матери. За каждым человеком стоят ангел-хранитель и бес, "лукавый", божественная и богоборческая сила. Каждое доброе дело, каждый добрый помысел радуют ангела, стоящего за правым плечом, все недоброе огорчает его, вызывая в то же время "смех за левым плечом", за которым прячется "лукавый" искушитель.

*В годы нэпа, в которые прошло детство Солоухина, большевикам пришлось отступить от этой политики и с опасливым недоброжелательством смотреть на возрождение и расцвет деревенской жизни. Однако уже через десять лет, с коллективизацией, они вернулись к ленинским решениям XI съезда РКП(б), и голод начался снова. – Прим. редакции.

"Вот они и будут всю жизнь тянуть тебя в разные стороны"(с. 36), — предсказывала мать маленькому Володе, и это предсказание сбылось в его жизни и в его книгах.

Принципиальные соображения

То, что делает эту книгу больше, чем автобиографией и описанием детства, — это принципиальные философские оценки, далеко выходящие за рамки политики.

Солоухин начинает свою книгу с рассмотрения "хаоса, называемого прогрессом", выступая таким образом принципиально против социалистической веры в прогресс человечества на пути к светлым вершинам коммунизма. Он просит извинить его за упрощение, но его трехчленное деление категорий прогресса чем-то захватывает.

Прежде всего человек стремится ко все возрастающим, в первую очередь спортивным достижениям. Было время, когда человек пробегал стометровку за тринадцать секунд, теперь меньше чем за десять. Человек становится "быстрее, сильнее и ловче" (с. 8). Этот путь, заполняющий спортивные отчеты в печати и телевидении, которому миллиарды людей отдают огромное число часов своей жизни, Солоухин обозначает как "путь человека к животному" (с. 10), хоть животные и останутся навсегда более быстрыми и сильными.

Затем человек добивается все более совершенных технических средств

"От каменного топора (как оружия) к водородной бомбе, от пирога, выдолбленной из ствола дерева к современному авианосцу... от арбы к автомобилю... радио, космические полеты, синтез белка, ну и так далее, и так далее" (с. 8).

Этот путь, говорит Солоухин, ведет

"К дьяволу. К сатане. Не к тому конкретному дьяволу, разумеется, который поджаривает грешников на сковороде и кипятит их в котле, а к тому условному, умозрительному дьяволу, который в сознании человека (человечества) существует как воплощение и олицетворение зла" (с. 11).

Третью категорию для Солоухина составляет нравственное и религиозное развитие, Путь к Богу,

"...Путь к добру, к душевной чистоте, к душевному благородству, к духовному богатству и накоплению духовных ценностей" (с. 16).

Это направление, однако

"...Не только прозябает и не продвигается вперед, но наоборот регрессирует". "На земле увеличивается количество зла, а не добра" (с. 17).

Назвать прогрессом Солоухин готов только то, что увеличивает общее количество счастья на земле или хотя бы уменьшает общее количество зла. Этому не служит ни одна из первых двух категорий. Этой меркой Солоухин мерит развитие социализма в Советском Союзе, индустриализацию, разрушение сельского хозяйства, атеизм как идеал системы.

Христианские идеалы

"Человек создан жить среди природы" (с. 13). Привязанность к природе, подчинение природе, вплетение в природу — вот давние принципы, которые выдвигает Солоухин, причем десятки и сотни лет, прошедшие с тех пор, как другие люди другими словами требовали того же, еще больше подчеркивают правоту этой мысли. Экологическая катастрофа, разрушение окружающей среды — лишь следствие научно-технического прогресса.

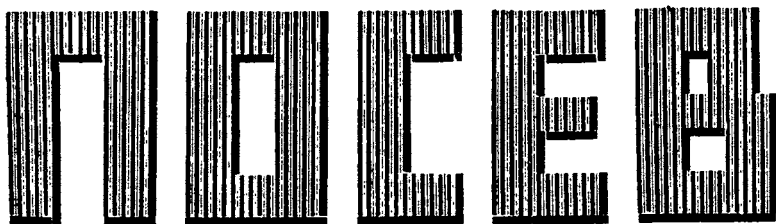
Из России раздается голос, призывающий к христианским идеалам. Он раздается из страны, с наибольшей последовательностью ставшей на путь атеизма, поклонения технике и наглой претензии человека властвовать над природой. Книга Солоухина содержит много правдивых высказываний, касающихся понимания прошлого советской страны, положения человечества как целого и решения неотложных проблем как на Востоке, так и на Западе.

Вольфганг Казак — профессор славистики в Кельнском университете (ФРГ). Среди многих научных и публицистических работ отметим "Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года", вышедший также на русском языке в 1988 г. в изд. ОРІ.

«Посев» — сорок лет назад

За Россию!

Не в силе Бог, а в правде — Александр Невский

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn, Verlag
„Possev“ Bankkonto: Limburger Bank V 14 Post-
scheckkonto: Frankfurt/M 33 461 Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ. 10—6 НМ. 15—9 НМ. и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ. 1/32—
13 НМ. 1/16—25 НМ. 1/8—50 НМ. 1/4—90 НМ. 1/2—
180 НМ. 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V год

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 15 МАЯ 1949 ГОДА

№ 20 (155)

ОПАСНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

В. Васильев

Мир охвачен ничем не заглушимым чувством тревоги за завтрашний день, за неопределенное, вероятно, страшное будущее.

Едва ли иному поколению, кроме нашего, выпало на долю пережить две мировых войны и ожидать, без возможности ее предотвратить, войну третью.

Если 1918 год и Версальский мир были встречены вздохом всеобщего облегчения, если тогда реакцией на переживания военных лет был неудержимый взрыв веселья жажды жизни (именно в ту эпоху родились модные танцы и бесшабашный джаз!), то ныне наступившее перемирие не дало почти никакой нервной разрядки.

Разбитая Германия лежит в развалинах и прахе, но уже бряцает оружием новый, еще более мощный, фашистский агрессор. Иллюзии о его миролюбии, расцветшие в последние годы войны и весной 1945-го, быстро и безвозвратно поблекли.

У жителей Лондона и Берлина, Ленинграда и Киева еще свеж в памяти вой сирен. Сколь многие из нас и сколь часто просыпаются от страшных сновидений, воскрешающих вчерашнюю действительность: ночные налеты бомбово-

зов, артиллерийские обстрелы, бегство.. А на горизонте близкого будущего уже четко вырисовываются шапки атомных разрывов и гигантский гриб Бикини, как неотступное „memento mori“ глядит на нас со страниц иллюстрированных журналов.

Тревога и страх царят сейчас в мире. Все, что говорится, пишется и думается в наше время, — неотделимо от этих чувств. В Кремле и в Белом Доме, в казармах Карлсхорста и в комендатурах Вены, от лачуг разрушенного Харькова до одиноких ранчо в аргентинских пампасах всюду — одна мысль: какое и сколь страшное ждет нас будущее?

И больше чем когда-либо мнится людям: «там хорошо, где нас нет!». Движимые этой надеждой, российские эмигранты спешат из Германии в Аргентину; попавший на тростниковые плантации Австралии Ди-Пи хлопочет о переезде в США; русский музыкант на Цейлоне копит деньги на дорогу в Европу (поблизке к политическому фронту!); офицер советской оккупационной армии переходит границу зоны, предпочитая встретить будущие события по эту сторону железного занавеса: немец, бывший военнопленный, грустно пишет нам: «боюсь ужасов немецкого коммунизма. Если что случится, — буду пробираться на Восток там люди добрее и отзывчивее!».

Какое смятение чувств, разнообразие устремлений! Как бы в ожидании землетрясения мечутся люди, ищут точки опоры, тихой пристани, надежного убежища.

Но нет такой точки на земном шаре, куда можно было бы скрыться от будущих событий. Где они не прокатятся?

Причудливы гримасы судьбы: вихрь прошлой войны смел начисто безобидные белорусские деревушки, нейтрального по началу СССР, и оставил почти нетронутой громаду Парижа Берлин же, гордившийся своей противовоздушной обороной, был превращен в груды развалин.

Какова будет судьба Нью-Йорка, Москвы, Буэнос-Айреса? А каждый из нас, где сложим мы свои головы: в открытом

ли бою с оружием в руках, задушенные ли атомной пылью в окрестностях Ташкента, заваленные ли двадцатипятиэтажной массой сан-францисского небоскреба, умершие ли от голода в концлагере антикоммунистической Венесуэлы (куда будем посажены по формальному признаку — «русские»)?

Вот почему всякий расчет, сделанный в поисках личной безопасности, тем более — в надежде построить длительное личное благополучие не может быть ничем иным, как пассивной игрой в лотерею. Разыгрываться она будет скоро. Выигрыши (и проигрыши!) будут самые неожиданные. Всякий, размахивающий сейчас, якобы, удачным номером, по существу, занимается самоутешением и уподобляется страусу, прячущему голову в песок. На этом песке (аргентинском, австралийском!) не построишь ничего.

Строить в наше время можно только активным волевым усилием, на твердой почве не материальных или географических, а духовных и политических ценностей. Активность исключает бегство, она зовет к наступлению, к самостоятельному и сознательному включению в грядущие события. Для нас, россиян, это означает, прежде всего, — связь с нашим народом, близость к нему, соучастие в его борьбе.

Действительно, перед миром дилемма: торжество красного флага над всей планетой или освобождение от него повсюду, в том числе и в России. Если суждено первое — нигде нам не миновать «карающего меча пролетарского правосудия», второе же возможно только тогда, когда и наш народ мобилизует все свои силы на борьбу. Поэтому каждый уходящий из рядов борющихся на самом ответственном, российском участке фронта — подрывает шансы на победу и спасение не только свои собственные но и всех остальных. Поэтому бегство с фронта, уход в глубокий тыл — вредная и опасная иллюзия, за которую поплатятся, вероятно, в первую голову те, кто позволяют себе ей предаваться.

Тревога царит в мире, тревога за будущее. Будем же мужественно идти ему навстречу каждый на своем посту. Чем ответственнее и опаснее этот пост, тем больше открывает он возможностей для успеха общего дела, а следовательно и для подлинной личной безопасности, неотделимой от судьбы нашего народа.

В номере:

Г. Андреев
ПРИСТРАСТНЫЕ ДЕТИ
И НЕЗАКОННЫЕ ОТЦЫ

А. Иванов
ПОСЛЕВОЕННАЯ ПЯТИЛЕТКА

Л. Ржевский
ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДНИ

Мих. Розанов
ЗАВОЕВАТЕЛИ БЕЛЫХ ПЯТЕН

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

"ТРАНИ"

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Через посредников	70 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм

"ПОСЕВ"

В розничной продаже	7 нм
Годовая подписка в издательстве	72 нм
Через посредников	84 нм
Доставка нормальной почтой	10 нм
Доплата за воздушную доставку:	
Сев. Америка, Бл. Восток, Африка	20 нм
Южн. Америка, Дальн. Восток	30 нм
Австралия, Нов. Зеландия	40 нм

Если нет других указаний, подписка по истечении года автоматически продолжается.

КОРНИЛОВ Владимир

Демобилизация. Роман

1976, тверд. переплет, 574 с. 45 нм

Действие романа происходит в первые послесталинские годы, в начале „оттепели“. Дается широкая панорама жизни московской интеллигенции с упором на быт и настроение офицеров, служащих в „особом“, засекреченном полку.

ЛАРИОНОВ Виктор

Последние юнкера

1984, 256 с. 27 нм

Воспоминания участника гражданской войны, тогда молодого юнкера. Автору удалось передать боевой дух и патриотические настроения, которые царили в среде белой молодежи того времени, а также ее трагедию. Дополнено фотографиями и полковыми песнями с нотами.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор Е. Р. Миркович

Заместитель главного редактора В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, В. Г. Ламздорф, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев, Р. Н. Редлях, Н. Н. Рутыч, В. А. Сендеров, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, прот. Кирилл Фотиев, А. М. Югов.

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a.M.-80
Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "П о с е в а" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Издает: книги на русском языке, общественно-политический журнал "ПОСЕВ" (12 выпусков в год) и литературно-публицистический журнал "ТРАНИ" (4 раза в год).

При издательстве - книжный склад.

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel. (069) 34 12 65

Telefax (069) 34 12 65

Postscheckkonto 33461-608, Ffm.

Dresdner Bank AG Frankfurt a. M.,

Kto. 2412 755 00

Ответственный издатель М. В. Горачек

Директор Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic. 3127.

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE12 0JS.

БЕЛЬГИЯ. B.P. 1094-Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. Artesania Kazbek S. R. L. Apartado 76184 El Marques Zona Postal 1070A, Caracas.

ИЗРАИЛЬ. M. Nudelman, Russian Books, Merkas Hanegev, Beer-Sheva.

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassella Postale 630, Roma-Centro.

США. GLOBUS. A Slavic Bookstore 332 Balboa Street. San Francisco, CA 94118.

S. Golubov, P.O. Box 139, R. D. 4, Jackson, N. J. 08527. Tel.: 201-928-2125.

"Possev" Representative, P.O. Box 695, Pacific Palisades, CA 90272.

G. Valk, 501 Fifth Avenue, Suite 1612, New York, N. Y. 10017.

A. Retivov, 4523 Maple Avenue, Bethesda, MD 20814 (Washington).

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris. Tel.: 42-50-62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Lentulusstr. 41, CH-3007 Bern.

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104 Sodertalje.

ЯПОНИЯ. Mr. Terumasa Takahashi, Saruwatari Usa-shi, Oltaken.

ПЛАСТИНКИ КАССЕТЫ КОМПАКТНЫЕ ДИСКИ

БИЧЕВСКАЯ Ж. – По Дону... (пластинка)	25 нм
ВЫСОЦКИЙ В. – Он не вернулся из боя (пластинка)	25 нм
ГАЛИЧ А. – Крик шепотом (кассета)	25 нм
ОКУДЖАВА Б. – Бумажный солдатик (пластинка)	25 нм
ЧЕРНЯВСКАЯ А. – Любовь остается жить.	
Русские романы с текстами на 4-х языках	
Кассета	25 нм
Компактный диск	35 нм

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

Выпуск 14

Это последний, полученный из России сборник. № 11 до нас так и не дошел. Издательство приносит свою благодарность всем частным людям и организациям, которые своими пожертвованиями позволили часть тиража отослать в Россию и помогли издать эти сборники, в которых так нуждаются у нас на Родине.

Цена отдельного номера 24 н.м.

КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПОСЕВА»

АВТОРХАНОВ А. От Андропова к Горбачеву. 1986 344 с.	30 нм	БЁМ А. Л. Достоевский. 2-е изд. 1983 192 с.	10 нм
АВЕРЧЕНКО А. Дюжина ножей в спину революции. 12 рассказов. 1975 62 с.	15 нм	БЕРБЕРОВА Н. Железная женщина. 1981 363 с.	55 нм
АКСЕНОВ В. Право на остров. 1985 372 с.	40 нм	БЕРДЯЕВ Н. Самопознание. 1983 424 с.	40 нм
АЛЛИЛУЕВА С. Двадцать писем к другу. 2-е изд. 1981 184 с.	30 нм	БЕРДЯЕВ Н. Смысл истории. 1969 268 с.	21 нм
АНТОНОВИЧ А. Многосемейная хроника. 1983 277 с.	27 нм	БУЛГАКОВ М. Белая гвардия. 1977 246 с.	24 нм
АХМАТОВА Анна. Собрание сочинений в 3-х томах: Том 1: 1957 479 с.	32 нм	БУЛГАКОВ М. Дни Турбиных. 1970 110 с.	5 нм
Том 2: 1968 615 с.	38 нм	БУЛГАКОВ С. Тихие думы. 1976 202 с.	21 нм
Том 3: 1983 650 с.	50 нм	БУЛГАКОВ Сергей, прот. Слова, поучения, беседы. 1987 536 с.	45 нм
БАРРОН Дж. КГБ. 1978 544 с.	51 нм	БУЛГАКОВ С., прот. Православие. 1985 406 с.	30 нм
БАРРОН Дж. КГБ сегодня. 1984 429 с.	60 нм	ВОЙНОВИЧ В. Ивьянькиада. 1976 112 с.	17 нм
БАРРОН Дж. Пилот МИГа. 1986 166 с.	37.50 нм	ВОЙНОВИЧ В. Претендент на престол. 2-е изд. 1981 358 с.	34 нм

ВОЙНОВИЧ В. Трибунал.
1985 96 с. 12.50 нм

ВОЛКОВ В. Операция «Твердый знак».
1987 410 с. 30 нм

ВОСЛЕНСКИЙ М. С. Номенклатура. 2-е изд.
1985 556 с. 38 нм

ГЕЛЛЕР Л. Вселенная за пределом догмы. (Сов. научная фантастика)
1985 443 с. 36 нм

ГЕЛЛЕР М. Машина и винтики
1985 336 с. 28 нм

ГИНЗБУРГ Евг. Крутой маршрут. В 2-х т.
1985 438 с. + 352 с. 68 нм

ГОЛЛЕРБАХ С. Заметки художника.
1983 104 с. 16 нм

ГРИГОРЕНКО П. В подполье можно встретить только крыс.
1981 608 с. 90 нм

ГРОССМАН В. Жизнь и судьба.
1980 608 с. 55 нм

ГУМИЛЕВ Н. Избранная поэзия.
1986 152 с. 20 нм

ГУМИЛЕВ Н. Неизданное и несобранное.
1986 298 с. 45 нм

ДАВИДОВ А. Воспоминания.
1982 228 с. 38 нм

ДЖИЛАС М. Тито, мой друг и мой враг.
1982 224 с. 10 нм

ДОМБРОВСКИЙ Ю. Факультет ненужных вещей.
1978 476 с. 43.50 нм

ДОМБРОВСКИЙ Ю. Хранитель древностей.
1978 254 с. 22.50 нм

ЕЛАГИН Юрий. Темный гений. (Всеволод Мейерхольд)
2-е доп. изд., 1982 458 с. 27 нм

ЕСЕНИН Сергей. Избранные стихи.
1979 104 с. 12 нм

ЗАЛЕВСКИЙ М. Н. Николай I.
1982 216 с. 28 нм

ЗАЛЕВСКИЙ М. Н. Печаль минувших лет.
1984 328 с. 30 нм

ЗЕЛЕНСКАЯ Лина. Исповедь черной пантеры.
1986 176 с. 18 нм

ИСКАНДЕР Фазиль. Сандро из Чегема. Новые главы.
1981 236 с. 30 нм

КАЗАК Вольфганг. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года.
1988 922 с. 70 нм

КАНДЕЛЬ Феликс. Зона отдыха.
1979 150 с. 18 нм

КАНДЕЛЬ Феликс. Первый этаж.
1982 124 с. 30 нм

КАТКОВ Г. М. Дело Корнилова. Серия ИНРИ. Вып. 6 под общ. ред. А. Солженицына
1987 251 с. 30 нм

КЕЛИН Николай. Степные песни. Сборник стихов.
Репр. 1937 90 с. 15 нм

КЛЫЧКОВ Сергей. Сахарный немец.
1982 450 с. 40 нм

КОНКВЕСТ Роберт. Большой террор. Пер. с англ.
1974 1064 с. 36 нм

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий. С последним солнцем. Послесл. Иосифа Бродского.
1983 365 с. 28 нм

ЛЕОНГАРД Вольфганг. Революция отвергает своих детей.
1984 594 с. 28 нм

РАЗРУШЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ. Альбом. (Самиздат). Вступ. статья И. Иловойской-Альберти.
1988 205 с. 23 нм

САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН Е. Н. Дневник 1914 – 1918 гг. (Всеросс. мемуарн. библ.).
1986 300 с. 36 нм

СТЕЕНБЕРГ Свен. Власов. Пер. с нем. Ирины Сабуровой.
1974 252 с. 30 нм

НОВЫЕ КНИГИ

ВОЛЬДМАН Григорий. Шереметьево.
1988 512 с. 38 нм

«ЖИВ БОГ». Семейный катехизис. Пер. с фр.
1988 488 с. 36 нм

ПАЛИБИН Н. В. Записки советского адвоката. Наше недавнее. 20-е – 30-е годы. (Всеросс. мемуарная библ. 9).
1988 204 с. 40 нм

ПАСТЕРНАК Борис. Стихотворения.
1988 196 с. 24 нм

РЫБАКОВ Владимир. «Афганцы».
1988 142 с. 16 нм

ТОЛСТОЙ Н. Жертвы Ялты. (Серия ИНРИ, под общей ред. А. Солженицына. 7).
1988 530 с. 60 нм

ЧЕТВЕРИКОВ С. прот. Оптиная пустынь. 2-е доп. изд.
1988 252 с. 33 нм